ПРОТОІЕРЕЙ

ѲЕОДОРЪ АЛЕКСАНДРОВ ГОЛУБИНСКІЙ.

(ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ).

С. Глаголева.

Сергіевъ Посадъ
Моск. губ.
2-я ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
1898.

Протоіерей Θеодоръ Александровичъ Голубинскій.

(Его жизнь и дѣятельность).

Московская Духовная Академія еще не насчитываетъ столѣтія своего существованія, она возникла въ XIX столѣтіи, но день рожденія ея первыхъ учениковъ, изъ которыхъ лучшіе потомъ стали ея славными и самоотверженными учителями, относится къ XVIII вѣку. Они были старше школы, которая ихъ воспитала, старше своей almae matris. Уже юношами они видѣли день ея духовнаго рожденія и затѣмъ, получивъ отъ нея первыя наставленія въ мудрости, приняли сами заботу о ея духовномъ ростѣ и нѣкоторые изъ нихъ служили ей до могилы.

Такимъ былъ протоіерей Θеодоръ Александровичъ Голубинскій. Онъ вступилъ въ Академію въ 1814 г., когда она только что открыла двери для духовныхъ юношей, и онъ оставилъ академію въ 1854 г. только затѣмъ, чтобы умереть. Четыре года онъ учился въ Академіи и тридцать шесть лѣтъ къ ней училъ, но онъ училъ не однихъ только питомцевъ Академіи, а и многихъ другихъ. Училъ онъ хорошо и хорошему. Онъ училъ словомъ и примѣромъ. И многое доброе, что мы видимъ въ Академіи и что въ области религіозно-философской мысли появляется у насъ и внѣ Академіи, обязано ему своимъ возникновеніемъ.

Въ текущемъ году исполняется столѣтіе со дня его рожденія. На обязанности Академіи лежитъ вспомнить о своемъ славномъ питомцѣ и наставникѣ, вспомнить о его жизни и трудахъ и еще разъ высказать ему—хотя онъ въ этомъ и не нуждается—благодарность за все, что онъ сдѣлалъ.

Настоящая статья [1]) и представляетъ собою посильное исполненіе этой обязанности.

I.

Жизнь Өеодора Александровича не была богата событіями. Онъ родился 22 декабря 1797 года. Повидимому, онъ былъ первенецъ у своихъ родителей. Его отцу—псаломщику г. Костромы Александру Андреевичу было въ ту пору всего 22 года, хотя, правда, женился онъ уже за три года до этого (въ 1794 г.), а былъ посвященъ въ стихарь и занялъ должность дьячка еще за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Несомнѣнно Александръ Андреевичъ былъ первымъ учителемъ своего сына. У насъ имѣются нѣкоторыя данныя для характеристики этого учителя. Это — его письма къ Ө. А—чу, когда тотъ уже сталъ профессоромъ Академіи [2]). Александръ Андреевичъ едва-ли былъ питомцемъ школы, но онъ былъ питомцемъ церкви, онъ служилъ ей дьячкомъ, псаломщикомъ, иподіакономъ, діакономъ и священникомъ (съ 1820 г.), а она воспитывала въ немъ духъ вѣры, смиренія, терпѣнія и любви, — которыя онъ передалъ своему сыну. Беззавѣтная вѣра и покорность Промыслу слышатся въ его письмахъ, почтеніе ученому сыну, къ которому онъ обыкновенно обращается на „вы“ и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе своихъ правъ и обязанностей по отношенію къ этому сыну. Въ торжественныя минуты жизни Ө. А—ча (когда онъ испрашивалъ у родителей благословеніе на бракъ) смиренно-любовное „вы“ Александръ Андреевичъ смѣняетъ на властное „ты“.... „припади ко Господу, пишетъ Александръ Андреевичъ, съ теплыми слезами и испроси Его всевышняго благословенія, милости и помощи, при коемъ и наше родительское благословеніе да будетъ съ тобою во вѣки“.... Далѣе, утверждая мысль, что Ө. А—чъ нуждается въ на-

---

[1]) Авторъ при ея составленіи пользовался сообщеніями и указаніями сына Өеодора Александровича- профессора Д. Ө. Голубинскаго и профессоровъ П. И. Горскаго-Платонова и И. Н. Корсунскаго. Онъ считаетъ своимъ долгомъ выразить имъ за ихъ содѣйствіе глубокую благодарность.

[2]) Письма эти приводятся Д. Ө. Голубинскимъ въ его статьяхъ „Макарій, основатель Алтайской миссіи, по бумагамъ Ө. А. Голубинскаго“. Душеполез. Чтен. 1890 г. часть третья.

ставленіяхъ и руководствѣ, онъ говоритъ: „Да будетъ, во первыхъ, управитель и наставникъ твой Отецъ небесный, вторый, яко по близости Василій Ивановичъ [3]), *и третіе мы*“. Въ раннѣйшій періодъ жизни Ѳ. А—ча Александръ Андреевичъ, конечно, долженъ былъ поставить себя не на третье, а на второе мѣсто и по близости и по праву и по обязанности.

Отъ руководства отца Ѳ. А—чъ перешелъ къ руководству школы. Въ то время училища и семинаріи обыкновенно были соединены вмѣстѣ, такъ это было и въ Костромѣ. Въ то отдаленное время, нужно еще сказать, люди не считали необходимымъ запасаться фамиліями, не имѣлъ ея и Александръ Андреевичъ, но своему сыну при поступленіи въ костромскую семинарію далъ фамилію „Голубинскій“. У Ѳ. А—ча, когда онъ еще учился дома, уже обнаруживались большія дарованія. Такъ, 6—8 лѣтъ онъ зналъ и читалъ на память всю оду Державина „Богъ“. Своимъ чтеніемъ оды на память маленькій декламаторъ удивлялъ одного помѣщика знакомаго съ Александромъ Андреевичемъ. Въ семинаріи сила способностей Ѳ. А—ча обнаружилась немедленно. Ученикомъ онъ былъ образцовымъ. Скудость средствъ заставляла въ то время въ семинаріяхъ прибѣгать къ пріемамъ, напоминающимъ ланкастерскую систему взаимнаго обученія: старшіе ученики были учителями младшихъ. Обыкновенно лучшіе изъ учениковъ старшаго (богословскаго) отдѣленія избирались въ помощники къ штатному профессору семинаріи и замѣняли его въ низшихъ классахъ. Они назывались инфирматорами. Такимъ инфирматоромъ по греческому языку былъ и Ѳ. А—чъ. Инфирматорамъ полагалось вознагражденіе, но настолько скудное, что при ежедневномъ утреннемъ подкрѣпленіи организма булкою (копейки въ 3—4) къ концу мѣсяца солидная часть вознагражденія исчезала. Такъ это случилось однажды и съ нашимъ юнымъ инфирматоромъ. Его родитель Александръ Андреевичъ полагалъ было, что инфирматорское жалованье цѣликомъ пойдетъ на поддержку ихъ небогатой семьѣ, но Ѳ. А—чъ съ горечью видѣлъ, что надеждамъ его родителя не суждено оправдаться. Все однако устроилось къ луч-

---

[3]) Протопресвитеръ В. И. Кутневичъ, братъ невѣсты Ѳ. А—ча.

шему: Ѳ. А—чъ оказалъ ученую услугу одному своему товарищу, а тотъ уплатилъ за него долгъ булочнику.

Въ 1814 году въ новооткрывавшуюся Московскую духовную академію было вызвано изъ костромской семинаріи 8 воспитанниковъ, и Ѳ. А—чъ отправился съ своими земляками, по тогдашнему, не въ близкій путь: изъ Костромы въ Сергіеву Лавру. Въ сентябрѣ они держали пріемные экзамены, и 1-го октября открывшаяся академія приняла ихъ въ составъ своего перваго курса. Думаемъ, что они вступили въ нее, имѣя настроеніе нѣсколько иное, чѣмъ то, которое имѣли новопоступавшіе студенты послѣдующихъ поколѣній. Подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ событій и войнъ 1812—14 г.г. государь и русское общество были настроены религіозно, на открывавшуюся академію и, слѣдовательно, на поступившихъ въ нее студентовъ возлагались добрыя и большія надежды. Когда 1-го октября они послѣ богослуженія въ Троицкомъ соборѣ вступили въ царскіе чертоги, отданные академіи, и тамъ началось торжество открытія, они должны были чувствовать, что на нихъ смотрятъ, о нихъ думаютъ и на нихъ надѣются всѣ вѣрующіе и образованные люди Россіи. Это должно было сообщить имъ повышенное настроеніе, должно было сообщить въ нихъ подъемъ духа, стремленіе къ усиленнымъ занятіямъ. И мы имѣемъ свидѣтельство, что это предполагаемое нами настроеніе у нихъ было и оказалось не скоро преходящимъ. Въ мартѣ 1816 г. студенты основали ученое общество подъ названіемъ: ученыя бесѣды. Въ запискѣ Ѳ. А—ча говорится, что „къ составленію сего общества подало случай пріятное обыкновеніе, общее между всѣми почти занимающимися науками, собесѣдовать между собою о предметахъ своихъ упражненій". „Часто въ часы досуга, говорится въ запискѣ далѣе, студенты любили съ дружескою свободою и откровенностію говорить, что каждый думалъ о предметахъ ихъ ученія; иногда читали другъ передъ другомъ свои сочиненія и судили о нихъ. Находя удовольствіе въ сихъ собесѣдованіяхъ, они впрочемъ замѣтили въ нихъ тотъ недостатокъ, что какъ время ихъ, такъ иногда и предметъ, не были опредѣлены, и для того и вознамѣрились назначить постоянныя правила для того и другого; и размышленіе о сихъ правилахъ, а вмѣстѣ взоръ на

многія общества, въ разныхъ Академіяхъ и Университетахъ, между учащими и учащимися учрежденныя, открыли въ нихъ мысль о образованіи подобнаго общества. По взаимныхъ совѣщаніяхъ они начертали для таковаго общества постановленія и представили оныя тогдашнему инспектору академіи архимандр. Филарету“ [1]). Уставъ общества былъ утвержденъ и ученымъ секретаремъ его („производителемъ письменныхъ дѣлъ“) былъ избранъ 18-лѣтній Ѳ. А. Голубинскій. Бесѣды и рефераты въ обществѣ велись богословско-философскіе. Такъ, за много лѣтъ до возникновенія въ Москвѣ обществъ любителей духовнаго просвѣщенія и психологическаго въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы, въ деревенской тиши уже существовало общество любителей богословскихъ и философскихъ наукъ. Оно состояло изъ 24 членовъ, остальные студенты (около 40), надо полагать, тяготѣли къ менѣе ученымъ ассоціаціямъ.

Въ то время, какъ въ Московской Д. Академіи читались рефераты по философіи, обсуждался смыслъ и значеніе философіи Канта, въ журналѣ издававшемся при Московскомъ Университетѣ (Вѣстникѣ Европы) Канта, Фихте и Шеллинга называли съумасшедшими и ихъ сочиненія „нѣмецкой галиматьей“. Юные студенты удивлялись невѣжеству и нелѣпости сужденій университетскаго жунала. Не точка зрѣнія на предметъ удивляла ихъ, а незнаніе предмета. Отрицательные взгляды на философію и религію имъ были хорошо извѣстны, но основательное изученіе философіи пріучило ихъ—глубоко благочестивыхъ и строго православныхъ христіанъ (это видно по ихъ рефератамъ) — къ терпимости къ чужимъ взглядамъ и мнѣніямъ.

Въ этой юной, благородной и серьезной атмосферѣ возрасталъ духомъ Ѳ. А-чъ. Въ Академіи при ея основаніи было учреждено два отдѣленія историческое и физико-математическое. Ѳ. А-чъ избралъ послѣднее. Въ Академію онъ принесъ съ собой крѣпкую православную вѣру, академія дала ему основательныя начальныя знанія, которыя увеличивать и расширять далѣе онъ уже могъ вполнѣ самостоятельно. Профессоромъ наиболѣе вліявшимъ на Ѳ. А-ча былъ,

---

[1]) С. Смирнова, Исторія Москов. Д. Академіи (1814—1870) 1879 стр. 175—178.

кажется, В. И. Кутневичъ. Кутневичъ преподавалъ сначала математическія и затѣмъ философскія науки (логику, психологію и исторію философіи, метафизика тогда не читалась). О немъ сохранилась память, какъ о даровитомъ и трудолюбивомъ профессорѣ. Онъ выписалъ сочиненія Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби, исторію философіи Теннемана и другія философскія новинки того времени, и его даровитый ученикъ очень скоро могъ ознакомиться съ тогдашней нѣмецкой философіей. И Ѳ. А-чъ не терялъ времени. Онъ переводилъ съ нѣмецкаго языка (эти переводы и теперь сохранились у сына его Димитрія Ѳеодоровича) курсы по исторіи философіи Теннемана, Бруккера, Эстетическія разсужденія Ансильона. Вмѣстѣ съ своимъ другомъ П. С. Делицынымъ онъ перевелъ всю эстетику Бутервака. Не медлилъ Ѳ. А-чъ и другихъ знакомить съ нѣмецкой философіей. Когда онъ поступилъ въ Академію, онъ оставилъ въ семинаріи младшаго по курсамъ своего друга Ѳеодора Москвина (впослѣдствіи принявшаго монашество подъ именемъ Арсенія и скончавшагося весною 1876 года въ санѣ митрополита кіевскаго). Обучаясь въ Академіи, на время вакацій Ѳ. А-чъ ходилъ пѣшкомъ въ Кострому къ родителямъ и на своихъ плечахъ приносилъ своему другу по семинаріи нѣмецкія философскія книги, и семинаристъ Москвинъ подъ руководствомъ студента Голубинскаго слѣдилъ за движеніемъ западно-европейской мысли въ то время, когда еще съ нею неохотно знакомились и русскіе профессоры. Впослѣдствіи іерархъ Арсеній съ любовію вспоминалъ и разсказывалъ объ этомъ Димитрію Ѳеодоровичу Голубинскому.

Въ 1818 году Академія выпустила первый курсъ своихъ воспитанниковъ, Ѳ. А-чъ окончилъ третьимъ магистромъ и былъ оставленъ при В. И. Кутневичѣ баккалавромъ (по нынѣшнему доцентомъ) по философіи. Баккалаврамъ тогда полагалась жалованья 600 р. ассигнаціями въ годъ, что по курсу въ то время равнялось 150 р. серебромъ, т. е. профессорское жалованье въ то время было значительно меньше нынѣшнихъ студенческихъ стипендій. Но молодой философъ, полагаемъ, нисколько не смутился этимъ. Онъ любилъ скромность и не желалъ получать и имѣть много. Онъ любилъ давать, но не любилъ брать. Онъ

усердно помогалъ семьѣ своего родителя (при его преимущественномъ содѣйствіи была выдана замужъ его сестра — Александра Александровна), помогалъ чужимъ и своими скудными средствами и ходатайствами. Но когда ему, учившему графа М. В. Толстого (онъ занимался съ нимъ, по свидѣтельству графа, „никогда не менѣе 2-хъ часовъ, а иногда и болѣе“) [5]) за 25 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ (около 7 руб. на серебро), мать ученика предлагала увеличеніе платы, онъ безусловно отказывался.

Пособіемъ къ жалованью баккалаврамъ служилъ еще магистерскій окладъ 350 р. ассигнаціями въ годъ. На эти скромные гроши и даже только на часть ихъ, ибо часть онъ отдавалъ, скромно жилъ молодой баккалавръ до 1820 г. Въ этомъ году академію ревизовалъ архіеп. тверской Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) и далъ о Ѳ. А-чѣ такой отзывъ: „очень способенъ и прилеженъ; духа добраго; въ познаніяхъ возрастаетъ благопоспѣшно [6])“. Коммиссія Духовныхъ Училищъ выразила ему свое одобреніе, на него было возложно преподаваніе нѣмецкаго языка и онъ былъ сдѣланъ членомъ академической конференціи. Въ 1822 году онъ получилъ званіе экстра-ординарнаго профессора, а въ 1824 г., когда В. И. Кутневичъ (тогда протопресвитеръ московскаго Архангельскаго собора) оставилъ академію, сталъ ординарнымъ профессоромъ.

Но у преемника не порвалась связь съ предшественникомъ: Ѳ. А-чъ рѣшилъ вступить въ бракъ съ сестрою В. И. Кутневича—Анною Ивановною. Мы привели выше письмо родителя къ Ѳ. А-чу по этому поводу. Бракосочетаніе рѣшено было совершить въ іюлѣ 1824 года, начались приготовленія къ свадьбѣ, но внезапно невѣста заболѣла такъ, что мысль о свадьбѣ должно было оставить. Болѣзненное состояніе невѣсты продолжалась болѣе 2-хъ лѣтъ, положеніе ея иногда представлялось такимъ, что, повидимому, Ѳ. А. долженъ былъ стать вдовцомъ, не бывъ мужемъ. Но это было только испытаніемъ. Прошло два съ половиною года, къ обязанностямъ Ѳ. А-ча присоеди-

---

[5]) Воспоминанія гр. М. В. Толстого. Русскій Архивъ. 1881. т. 1. стр. 30.

[6]) Мнѣнія и отзывы м. Филарета, изданные преосвящ. Саввою 1885 г. т. 2. стр. 54.

нилась еще должность цензора духовныхъ книгъ (съ 1826 г.), Анна Ивановна выздоровѣла, и онъ сочетался съ нею бракомъ 30 января 1827 года. Въ 1828 г. онъ принялъ санъ священника (съ причисленіемъ къ московскому вознесенскому монастырю) и въ слѣдующемъ году былъ сдѣланъ протоіереемъ. Принятіе священнаго сана не могло принести ему никакихъ матеріальныхъ выгодъ: онъ числился священникомъ въ Москвѣ, а служилъ безвозмездно въ посадѣ. Не могла новая должность внести и какихъ-либо новыхъ стѣсненій въ его жизнь: онъ не пользовался ранѣе тѣми удовольствіями, которыя доступны только свѣтскимъ, и потому не отказывался ни отъ чего, ставъ духовнымъ. Единственнымъ побужденіемъ для поступленія во священники, полагаемъ, у него было то, чтобы и здѣсь на землѣ стать ближе къ Богу, имѣть право быть дерзновеннѣе къ Нему въ своихъ молитвахъ, возносить эти молитвы предъ самымъ Его престоломъ и совершать безкровную жертву за всѣхъ тѣхъ живыхъ и умершихъ, объ участи которыхъ такъ болѣло его любящее сердце. Онъ всегда охотно принималъ предложенія послужить (разумѣется, задаромъ) въ приходскихъ церквахъ посада, онъ всегда служилъ (это видно изъ его писемъ) въ дни, которые были чѣмъ-либо важны и знаменательны для его родныхъ и близкихъ.

Тихо и безмятежно жила чета Голубинскихъ. Онъ усовершался въ вѣрѣ и разумѣніи (философіи), исполнялъ обязанности профессора, цензора, священника, она своей лаской, любовью и заботами поддерживала его въ его разнообразныхъ трудахъ. Ѳ. А-чъ, какъ ординарный профессоръ, получалъ 1500 р. и какъ цензоръ 800 р. ассигнаціями. Для скромныхъ супруговъ этого было вполнѣ достаточно, чтобы содержать себя, свою мало по малу возраставшую семью, помогать бѣднымъ родственникамъ и удѣлять еще значительную часть неимущимъ. Объ ихъ благотворительности должно сказать, что она была велика, но о ней нельзя сказать много. Открытый Ѳ. А-чъ былъ очень скрытенъ по отношенію къ своимъ дѣламъ благотворенія. Но какъ ни тщательно старался онъ скрывать то, что дѣлалъ, мы нашли слѣды его дѣяній. Во 1) многіе изъ тѣхъ, которымъ онъ благотворилъ тайно, къ чести ихъ оказались людьми нескромными и о благодѣяніяхъ Ѳ. А-ча съ благо-

дарностію сообщали другимъ явно и громко, а отъ этихъ другихъ о дѣлахъ Ѳ. А-ча освѣдомились и мы. Во 2) живымъ свидѣтельствомъ любви Ѳ. А. къ благотворенію и его умѣнья воспитывать ее въ другихъ является его сынъ—нашъ глубоко уважаемый профессоръ Димитрій Ѳеодоровичъ, который какъ и его родитель, по завѣту евангельскому, не собираетъ себѣ сокровищъ на землѣ, „гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ" (Мѳ. VI, 19). Въ 3) какъ ни былъ богатъ ординарный профессоръ Ѳ. А-чъ, получавшій на наши деньги около 700 руб. сереб. въ годъ и имѣвшій семью лишь въ 6 человѣкъ (изъ 9 человѣкъ дѣтей—5 у Ѳ. А-ча умерли маленькими), однако и его средствъ не хватало на удовлетвореніе всѣхъ обращавшихся къ нему за помощью: и онъ принуждаемъ былъ просить и ходатайствовать за таковыхъ предъ другими. А эти другіе повѣдали о семъ міру. Личный взглядъ на дѣло благотворенія Ѳ. А-чъ высказалъ въ письмѣ Бартеневу, который при хлопотахъ о помощи однимъ сиротамъ получилъ, повидимому, нѣкоторыя непріятности и, намекнувъ на это въ письмѣ къ Ѳ. А-чу, прибавилъ: „но объ этомъ помолчимъ". Ѳ. А-чъ писалъ ему: „нѣтъ, мало того, чтобы помолчать: благодарить и благодарить надобно Всевышняго Милостынераздаятеля за то, что сподобилъ васъ не только помочь бѣднымъ, но и нѣчто потерпѣть. Какія это алмазныя привѣски къ золотой цѣпочкѣ [7])!"

Еще болѣе, чѣмъ матеріальныя, спѣшилъ Ѳ. А—чъ удовлетворять духовныя нужды. У него не было прихода, но онъ имѣлъ духовныхъ дѣтей, которыхъ пріобрѣлъ многими трудами и терпѣніемъ. Онъ обращалъ инославныхъ въ православіе, вводилъ и не-христіанъ въ православную церковь. Сколько трудовъ понесъ онъ при обращеніи еврея Гирши Карасина [8]). Какимъ нравственно чистымъ, глубоко религіознымъ и богословски развитымъ привелъ онъ его къ купели крещенія. На небѣ бываетъ радость объ одномъ

---

7) Переписка Ѳ. А. Голубинскаго съ Ю. Н. Бартеневымъ, стр. 412. Русск. Архивъ. 1880 г. т. 3.

8) См. письма м. Филарета, хранящіяся въ собраніи Императ. публич. библіот. 1891. стр. 2—6.

грѣшникѣ кающемся, но Гирша былъ далеко не одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Ѳ. А—чъ привелъ въ церковь или, когда они, какъ блудные сыны, ушли отъ нея очень далеко, возвратилъ въ ея лоно (такъ это было съ графомъ Вл. Ст. Толстымъ. см. далѣе).

Такъ, въ заботахъ о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ своихъ ближнихъ, въ исполненіи обязанностей по должностямъ проводилъ свои дни Ѳ. А—чъ. Часы досуга проходили у него или въ обществѣ любимой семьи или въ обществѣ близкихъ друзей. Такимъ особенно былъ для него профессоръ протоіерей Делицынъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ учился въ академіи, вмѣстѣ они были оставлены при ней (Делицынъ преподавалъ математику и французскій языкъ), вмѣстѣ служили въ цензурномъ комитетѣ, даже и священниками они числились при одномъ московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Много у нихъ было общихъ заботъ и интересовъ, „Собирались мы, говорилъ Петръ Спиридоновичъ Делицынъ, поссориться съ Ѳеодоромъ Александровичемъ, да такъ и не собрались“. Но и кромѣ П. С. Делицина было у Ѳ. А—ча много людей, которые любили и уважали его, любили его поучительныя бесѣды и которые по этому всегда были не прочь своимъ посѣщеніемъ нарушать его покой или оторвать его отъ занятій. Квартира Ѳ. А—ча была открыта для всѣхъ. Его скромная пріемная, со стѣнъ которой глядѣли на посѣтителей лики подвижниковъ: Тихона Задонскаго, Серафима Саровскаго, Паисія и Георгія затворника, видѣла у себя и сильныхъ и малыхъ міра, и русскихъ и иностранцевъ, и ученыхъ и простыхъ людей. Изъ нея выходили восхищенные бесѣдою съ православнымъ философомъ и путешествовавшій по Россіи баронъ Гакстгаузенъ и русскій профессоръ Шевыревъ и многіе иные. Всѣхъ Ѳ. А—чъ встрѣчалъ съ радушіемъ и провожалъ съ любовью. Ища въ каждомъ человѣкѣ искру Божію, Ѳ. А—чъ не отказывался протягивать руку и тѣмъ, на имя которыхъ была наброшена тѣнь. А такъ какъ въ то время, какъ и теперь, были люди, которые при помощи анонимныхъ писемъ и иныхъ способовъ всегда готовы очернить своего ближняго, то и о Ѳ. А. было однажды доведено до свѣдѣнія митрополита, что онъ имѣетъ сношенія съ подозрительнымъ сектантомъ Дубовицкимъ.

Ѳ. А-чъ искренно описалъ митрополиту, какъ и въ чемъ было дѣло. Митрополитъ Филаретъ, высоко цѣнившій и глубоко понимавшій Голубинскаго, отвѣтилъ ему сердечнымъ письмомъ, въ которомъ благодарилъ за искренность [9]).

Пытались Ѳ. А—ча отнять у академіи. Попечитель Московскаго учебнаго округа графъ Строгановъ предлагалъ Ѳ. А—чу каѳедру ординарнаго профессора по философіи въ московскомъ университетѣ, оберъ-прокуроръ св. Сѵнода С. Д. Нечаевъ тоже предлагалъ ему какое то завидное мѣсто. Но скромный философъ скромно и, однако, рѣшительно отказывался отъ этихъ предложеній. „Тягостно для меня, писалъ онъ оберъ-прокурору Нечаеву, не оправдать ожиданій вашего превосходительства, но... я не могу принять на себя обязанности, которую ваша благодѣтельная рука мнѣ указываетъ“ [10]). Въ дальнѣйшихъ строкахъ Ѳ. А. говоритъ, что онъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ и что онъ чувствуетъ себя обязаннымъ послужить еще академіи.

Ѳ. А—чъ покидалъ академію только по приказаніямъ своего же начальства. Въ 1828 г. онъ ѣздилъ ревизировать рязанскую и тульскую семинарію, въ 1833 г. ревизировалъ семинаріи калужскую и тульскую. Но это была уже его послѣдняя отдаленная командировка. Послѣ этого онъ былъ назначаемъ только ревизоромъ виѳанской семинаріи (въ 1834 и 40 годахъ).

Въ началѣ 1841 г. Ѳ. А—ча поразилъ жестокій ударъ: 27 января скончалась его супруга, на его рукахъ осталось четверо дѣтей: старшая дочь Марія (менѣе 13 лѣтъ) и сыновья: Сергѣй, Димитрій и Петръ. Мужъ вѣры и знанія, но не мужъ житейскихъ заботъ—что онъ былъ долженъ дѣлать съ этими малютками? Какъ и они, онъ былъ осиротѣлымъ и безпомощнымъ. Скорбь его была глубока, и едва-ли послѣдующія обстоятельства жизни могли ее смягчить. Люди, знавшіе его, понимали его состояніе, жалѣли его и старались не тревожить его въ его скорби. Митро-

---

[9]) Письма м. Филарета, хранящіяся въ Императ. публич. библ. 1891. стр. 1—2.

[10]) С. Г. Рункевичъ, изъ церковно-общественной жизни второй четверти нашего столѣтія. 1896. стр. 27—28.

политъ Филаретъ писалъ въ февралѣ къ намѣстнику Антонію: „О, протоіерея Ѳеодора жаль... Господь да подкрѣпитъ его и да устроитъ о немъ полезное“ [11]). Стурдза, печатавшій свои письма подъ цензурой Ѳ. А—ча и передъ этимъ три раза просившій его объ ускореніи дѣла, услышавъ о несчастіи постигшемъ Ѳ. А., писалъ (уже въ концѣ апрѣля) къ оберъ-прокурору Нечаеву: „слышу, что почтенный о. Голубинскій овдовѣлъ—слѣдственно въ горнилѣ скорби душевной; не смѣю въ 4-й разъ спрашивать“ [12]). Много сочувственныхъ писемъ, съ словами утѣшенія получилъ Ѳ. А—чъ, много выраженій любви и добраго расположенія онъ долженъ былъ найдти въ этихъ письмахъ, это должно было укрѣплять его въ его вѣрѣ въ добро и человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти письма свидѣтельствовали о полномъ безсиліи человѣка помочь дѣйствительному человѣческому горю.

Ѳ. А—чу оставалось только искать успокоенія и утѣшенія въ трудахъ и молитвѣ. Съ этихъ поръ онъ сталъ гораздо больше отводить времени размышленію о смерти, о загробной участи людей, чтенію книгъ говорящихъ о томъ, что ожидаетъ насъ по ту сторону гроба. Жизнь уже не давала ему больше радостей. Награды, которыя онъ получилъ, едва-ли доставляли ему утѣшеніе (ордена св. Анны 3-й въ 1846 и 2-й степени въ 49 годахъ), а смерть одного за другимъ отнимала у него близкихъ людей. Осенью 1843 г. Ѳ. А—чъ поселился съ своею семьею на казенной квартирѣ (за лаврой на казенномъ дворѣ). Здѣсь просторно бы было жить и большой семьѣ, но семья Ѳ. А. здѣсь все убывала. Въ 1847 г. онъ выдалъ свою дочь Марью Ѳеодоровну за преподавателя Виѳанской семинаріи Димитрія Васильевича Разумовскаго (впослѣдствіи протоіерея и профессора церковнаго пѣнія въ московской консерваторіи). Въ свиданіяхъ съ этимъ зятемъ и дочерью Ѳ. А—чъ находилъ замѣтное утѣшеніе въ тѣхъ скорбяхъ, которыя затѣмъ одна за другою стали поражать его. Пѣшкомъ иногда онъ изъ своей квартиры отправлялся въ Виѳанію и здѣсь

---

[11]) Письма м. Филарета къ архим. Антонію. Часть I. 1877. Стр. 392.

[12]) Рункевичъ, изъ церковно-общественной жизни второй четверти нашего столѣтія. 1896. стр. 20.

въ счастливой молодой семьѣ находилъ отдыхъ отъ дѣлъ и утѣшеніе въ горѣ (счастливая жизнь четы Разумовскихъ продолжалась однако не долго: Марья Ѳеодоровна пережила своего родителя только четырьмя годами, она скончалась въ 1858 г. 30 лѣтъ отъ роду). Въ 1849 г. въ квартирѣ Ѳ. А—ча скончался его братъ Петръ А—чъ, служившій губернскимъ почтъ-мейстеромъ у донскихъ казаковъ. Какъ и Ѳ. А—чъ, онъ сначала учился въ семинаріи, но оставилъ ее ради военной карьеры и молодость провелъ въ военной службѣ. Ѳ. А. посвятилъ ему слѣдующую эпитафію.

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися
и обремененніи, и Азъ упокою вы. (Мѳ. II, 28).
Усталый странникъ бремя жизни
Въ святую землю здѣсь сложилъ.
Онъ кровью жертвовалъ отчизнѣ,
Въ трудахъ всѣ силы истощилъ.
Правдивый, искренній, усердный
Любилъ онъ бѣднымъ помогать
И счастье сирыхъ устроять.
Прими его въ Свой кровъ
Спаситель милосердый?

Вскорѣ у старшаго сына Ѳ. А—ча Сергѣя (студента академіи) обнаружились признаки чахотки. Онъ долго болѣлъ и умеръ 29 января 1852 г. При его погребеніи простудился младшій сынъ Ѳ. А—ча—Петръ (ученикъ виѳанской семинаріи), и скарлатина въ три дня унесла его въ могилу. Онъ скончался 21 февраля. На его намогильномъ памятникѣ Ѳ. А—чъ помѣстилъ такое двухстишіе:

Безсмертный цвѣтокъ, недоцвѣтшій въ юдоли земной,
Въ раю разцвѣти, напояемъ Господней росой. (Ис. 26, 19).

Митрополитъ Филаретъ, поспѣшившій съ словомъ утѣшенія къ Ѳ. А—чу послѣ смерти его перваго сына, послѣ смерти другого написалъ ему слѣдующее:

Честнѣйшій отецъ протоіерей!

Съ соболѣзнованіемъ узналъ я о новомъ лишеніи, которымъ угодно Господу испытать ваше родительское сердце. Что сотворимъ? Что иное, какъ развѣ повинимся Отцу духовомъ, да живи будемъ? Надѣюсь, что такъ и расположенъ духъ вашъ. Да укрѣпится онъ, и да сохранитъ въ

скорби столько мира, чтобы не слишкомъ потрясена была немощная плоть. Нынѣ время показать плодъ любомудрія, много лѣтъ вами проповѣдуемаго, и не поколебаться лишеніемъ видимаго и временнаго, въ созерцаніи невидимаго, во уповаміи вѣчнаго. Усердно молю Господа ниспослать вамъ свыше помощь, и утѣшеніе, и миръ.

Эти слова были сильнымъ утѣшеніемъ въ горѣ Ѳ. А—чу „стою ли я того! стою ли я того", восклицаетъ онъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ митрополиту. Заканчивая свое письмо словами благодарности за тѣ отрадныя слова, которыя онъ услышалъ отъ владыки, потерявъ перваго сына, Ѳ. А—чъ написалъ:

Я принялъ ихъ съ вѣрою и болѣе подкрѣплялся ими, нежели припоминаніемъ изреченій искателей мудрости, каково слово Епиктета: умеръ у тебя сынъ? Не говори: я потерялъ его, но я отдалъ. Епиктетъ еще не зналъ Того, Кому отдаемъ то, съ чѣмъ разлучились. А вѣрующимъ возвѣщено, Кто есть отецъ духовъ, глаголющій: много тебѣ останетъ, да можеши возлюбити сотвореніе Мое паче Мене[13]).

Труды и скорби не сокрушили духа Ѳ. А.—его духъ только все болѣе отрѣшался отъ земнаго и направлялся къ небу, — но они сокрушили его плоть. Онъ сталъ хирѣть. Лѣтомъ 52 г. онъ поѣхалъ по недавно открывшейся желѣзной дорогѣ въ Петербургъ вмѣстѣ съ оставшимся единственнымъ сыномъ Димитріемъ Ѳеодоровичемъ. Но и въ Петербургѣ ему не дали отдохнуть: поручили разборъ книги Скворцова. Въ концѣ августа онъ вернулся въ академію и открылъ свой курсъ по философіи предъ новопоступившими слушателями. Этотъ курсъ его чтеній (52—54 гг.) былъ послѣднимъ. По окончаніи учебныхъ занятій въ 54 г., когда сынъ Ѳ. А—ча Димитрій Ѳеодоровичъ окончилъ академію и былъ поставленъ при ней баккалавромъ по физикѣ и математикѣ, Ѳ. А—чъ подалъ въ отставку. Посылая 11 іюля поздравленіе съ ангеломъ своей тетушкѣ Ольгѣ Андреевнѣ, Ѳ. А—чъ присоединилъ къ этому поздравленію стихотвореніе, въ которомъ говоритъ о чувствуемой имъ потерѣ силъ и которое закончилъ такъ:

---

[13]) Письма м. м. Филарета, хранящіяся въ Имп. пуб. библ. стр. 10—11

Но пусть мои слабѣютъ силы,
Я чувствую, что до могилы,
Пока свѣтъ жизни не угасъ,
Я не забуду сердцемъ Васъ.

Воодушевляемый этой любовью къ роднымъ, Ѳ. А—чъ поѣхалъ въ августѣ на свою родину. Здѣсь онъ проводилъ время преимущественно въ слушаніи заупокойныхъ литургій и служеніи панихидъ по своимъ усопшимъ родственникамъ. Пробывъ на родинѣ болѣе недѣли, онъ сталъ думать о возвращеніи въ Сергіевъ Посадъ. Но Господь судилъ ему умереть тамъ, гдѣ была его колыбель. Въ ночь съ 21 на 22 августа у него неожиданно явились припадки холеры. Послѣ нѣсколькихъ часовъ страданій онъ, исповѣдавшись, причастившись и принявъ таинство елеосвященія, скончался 22 августа въ воскресеніе, во второмъ часу пополудни.

Отпѣваніе надъ нимъ совершалъ его ученикъ—епископъ костромской Филоѳей (1 магистръ VIII курса, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій). Погребенъ онъ на кладбищѣ Іоанно-Богословской за р. Костромою церкви, гдѣ служилъ и въ 1836 г. умеръ его родитель. На памятникѣ, воздвигнутомъ на могилѣ Ѳ. А—ча, на одной сторонѣ написано: „Смиряяй себе вознесется“,—на другой: „Словами училъ любомудрію, примѣромъ жизни—смиренію“.

Такова была эта несложная жизнь: много труда, тихія радости, сильныя скорби, скромныя награды за заслуги. Вѣримъ, что Господь Богъ на послѣднемъ судѣ наградитъ его болѣе щедро.

II.

Философскіе взгляды и религіозныя убѣжденія Ѳ. А—ча сложились въ первую четверть XIX столѣтія. Два практическихъ философскихъ направленія широко были распространены въ то время въ образованныхъ классахъ русскаго общества: раціонализмъ и мистицизмъ. Раціонализмъ шелъ къ намъ преимущественно изъ Франціи, мистицизмъ—изъ Германіи, представителями перваго являлись вольтерьянцы, втораго—масоны. Первые характеризовались полною нравственною безпринципностью и свою житейскую программу, давно охарактеризованную словами св. Павла „да ямы и

ніемъ, утрѣ бо умремъ“ (1 Коринѳ. 15, 32), какъ люди французскаго воспитанія, формулировали: „buvons, mangeons, dançons et aimons“. Вторые говорили о добродѣтели, но какъ показываютъ изслѣдованія, нѣкоторые изъ нихъ нисколько не думали переходить отъ словъ къ дѣлу. Первые были легкомысленны и надъ всѣмъ смѣялись, вторые всегда были мрачны и плакали о суетѣ міра. Но ни тѣ, ни другіе не были похожи ни на смѣющагося Демокрита, ни на плачущаго Гераклита. Костюмъ паяца, какъ и черное домино, не даютъ еще матеріала ни для искренняго смѣха, ни для дѣйствительной трагедіи. Представители того и другого направленія были по большей части пустыми свѣтскими людьми, искавшими развлеченія или въ чтеніи книгъ Вольтера или въ фантастическихъ сценахъ, разыгрывавшихся въ масонскихъ ложахъ. Но, вообще говоря, мистики были и нравственнѣе и развитѣе, чѣмъ раціоналисты, въ ряду нихъ находились лица, мистицизмъ которыхъ не далеко уклонялся отъ истинъ православія, и поведеніе которыхъ нисколько не унижало имя христіанина. Слыхали у насъ, конечно, и о другихъ направленіяхъ и системахъ философіи на западѣ. Уже въ началѣ XVIII вѣка Петръ I былъ знакомъ съ Лейбницемъ, а въ концѣ этого вѣка имя Канта пріобрѣло всемірную извѣстность. Но книги этихъ мыслителей были глубоки и мудрены, они могли быть только предметомъ преподаванія въ школѣ, но не годились русскимъ философамъ для ихъ домашняго обихода. Вольтеръ, Гольбахъ, Дидро, или же „Химическая псалтирь“ Ѳеофраста Парацельса, „Апологія или защищеніе ордена вольныхъ каменьщиковъ“ (т. е. масоновъ)—были имъ болѣе по плечу. Даже въ Московскомъ Университетѣ преподавалась масонская философія (нѣмцемъ Шварцемъ). Въ веселый вѣкъ Екатерины у насъ преобладалъ раціонализмъ, и императрица-философъ въ своихъ произведеніяхъ называла масоновъ кликушами и сибирскими шаманами. Послѣ грустныхъ событій 12-го года у насъ сталъ преобладать мистицизмъ, и согласно высочайшей волѣ при преподаваніи геометріи въ школахъ ученикамъ внушалось, что треугольникъ прообразуетъ собою тайну Пресвятой Троицы.

Въ эту пору началъ учиться философіи Ѳ. А—чъ. Глубоко-религіозное воспитаніе Ѳ. А—чъ получилъ дома, а

хорошее общее образованіе въ академіи. Однако въ этомъ образованіи были пробѣлы: онъ не слушалъ въ Академіи физики, наукъ о природѣ и историческихъ. Для философа знаніе основаній этихъ наукъ необходимо, и мы имѣемъ свидѣтельства, что онъ занимался ими самъ. Въ академической библіотекѣ находятся теперь нѣкоторыя его книги по естествознанію (наприм., Даленбурга, у котораго онъ можетъ быть и принялъ взглядъ, по которому неорганическія тѣла, какъ великія въ родѣ звѣздъ и планетъ, такъ и малыя въ родѣ микроскопическихъ кристалловъ, живутъ своею особою жизнію). Гражданскую и церковную исторію вмѣстѣ съ науками математическими онъ въ 20-хъ годахъ преподавалъ графу М. В. Толстому. А по своему характеру онъ могъ преподавать только то, что хорошо зналъ самъ. Въ 30-хъ годахъ при ревизіи тульской семинаріи онъ отмѣтилъ недостатки въ преподаваніи русской гражданской исторіи (ее преподавали тамъ по всемірной исторіи нѣмца Шрекка, въ которой она излагается на 7 страницахъ разгонистаго шрифта) [14]). Обращаться къ историческимъ справкамъ ему приходилось много по дѣламъ цензуры. Онъ зналъ еврейскій языкъ (тоже преподавалъ его Толстому), переводилъ святоотеческія творенія съ греческаго (онъ любилъ творенія св. Григорія Нисскаго и переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ посылалъ черезъ своего друга Бартенева князю А. Н. Голицыну, бывшему оберъ-прокурору и министру народнаго просвѣщенія), слушалъ преподаваніе и самъ преподавалъ философію по латыни (исправлялъ слогъ въ латинской диссертаціи гр. Толстого на степень доктора медицины), настолько свободно владѣлъ французскимъ, что могъ цѣнить достоинства стиля (такъ, въ одномъ письмѣ къ Бартеневу онъ говоритъ, что слогъ Мартеня несравненно изящнѣе стиля Баадера) и совершенно свободно говорилъ и еще болѣе свободно писалъ по нѣмецки (подъ его редакціей студенты перевели на нѣмецкій языкъ катихизисъ митрополита Филарета). У него имѣлась масса выписокъ изъ самыхъ различныхъ авторовъ на различныхъ языкахъ. Основательное общее образованіе есть единственный прочный фундаментъ, на которомъ философъ можетъ

---

[14]) С. Смирнова, Исторія Московской Академіи. 1879 г. стр. 79.

построять зданіе своей системы Воззрѣнія немногихъ русскихъ философовъ утверждались на такомъ прочномъ фундаментѣ, какъ у Ѳ. А—ча.

Какіе философскіе взгляды и убѣжденія онъ выработалъ? Глубоко-православный и широко-образованный, онъ въ жизни долженъ былъ столкнуться съ раціонализмомъ и мистицизмомъ, какъ въ школѣ и своемъ кабинетѣ имѣлъ дѣло съ Кантомъ и Гегелемъ. По природѣ общительный, охотно заводившій знакомства съ лицами самыхъ различныхъ общественныхъ круговъ и слоевъ, онъ, мы видимъ, скоро по вступленіи въ жизнь знакомится и съ волтерьянцами (наприм., съ графомъ Вл. Толстымъ) и съ лицами мистическаго направленія (наприм., Бартеневымъ). И по своей нравственно-чуткой природѣ, и по своему глубоко-религіозному воспитанію, и по основательному научному развитію, онъ, конечно, не могъ сочувствовать легкомысленной философіи Вольтера и энциклопедистовъ. Это была философія смѣха, а онъ былъ человѣкъ серьезный. Графъ М. Вл. Толстой разсказываетъ, что когда его „батюшка (вольтерьянецъ) въ разговорѣ съ Ѳ. А—чемъ приводилъ кощунственныя остроты Вольтера и другихъ французскихъ писателей, Ѳ. А—чъ не отвѣчалъ ему ни слова, но принималъ такой грустный и разстроенный видъ, что собесѣдникъ его скоро прекращалъ непріятный ему разговоръ". Смѣхъ поддерживается сочувствіемъ или отпоромъ, но когда онъ не встрѣчаетъ ни того, ни другого, онъ замираетъ, какъ замираетъ звукъ въ пространствѣ, изъ котораго выкачанъ воздухъ. Когда графу Вл. Толстому возражали, онъ раздражался, спорилъ, сыпалъ взятыми изъ чужихъ рукъ остротами, но Ѳ. А—чъ не сталъ вступать съ нимъ въ споръ, онъ обличилъ его своимъ молчаніемъ и своею скорбію. Результатъ былъ таковъ. Черезъ нѣсколько времени гр. Толстой въ присутствіи Ѳ. А—ча рѣшилъ сжечь все то, что было въ его библіотекѣ нечестиваго и неблагопристойнаго. На дворѣ запылалъ громадный костеръ. Нѣкоторые говорили графу, что лучше эти книги продать, нежели сжечь, но графъ Толстой отвѣчалъ: не хочу никому продавать яда; по себѣ знаю, какъ онъ пагубенъ" [15]).

---

[15]) Воспоминанія гр. М. Вл. Толстого. Русскій Архивъ 1881 г. Томъ I.

Какъ относился Ѳ. А—чъ къ мистикамъ и мистицизму? Въ настоящее время съ словомъ „мистицизмъ“ многіе готовы соединять представленіе о чемъ-то психопатологическомъ. Но въ общемъ это совершенно ошибочно. Существуютъ три вида мистицизма. 1) Мистицизмъ уродливый — это мистицизмъ нашихъ масоновъ, пытавшихся за отсутствіемъ дѣйствительно таинственнаго создавать его суррогаты, это — мистицизмъ новѣйшихъ теософовъ и спиритовъ, получающихъ отъ душъ умершихъ людей безграмотныя письма на раздушеной англійской бумагѣ. 2) Мистицизмъ дѣйствительно болѣзненный, это — мистицизмъ Якова Бэма и особенно Шведенборга, бесѣдовавшаго съ духами такъ же запросто и свободно, какъ бесѣдуютъ съ представителями темнаго царства лица, находящіяся въ бѣлой горячкѣ. 3) Ѳ. А—чъ не былъ и не могъ быть подобнаго рода мистикомъ. Какъ истинный христіанинъ, онъ глубоко вѣровалъ въ будущую жизнь; мысль его часто устремлялась за предѣлы гроба. Его мистицизмъ обусловливается умѣньемъ крѣпко и горячо молиться и крѣпкою вѣрою въ Промыслъ. Горячая молитва наполняетъ сердце отрадой и заставляетъ ощущать близость Бога, твердая вѣра въ Промыслъ открываетъ пути его тамъ, гдѣ они ускользаютъ отъ взора скользящаго по поверхности явленій, но не проникающаго въ ихъ глубь. Въ сновидѣніяхъ, въ событіяхъ жизни, въ явленіяхъ природы глубоковѣрующій находитъ назиданіе, изъ чего другіе люди не извлекаютъ никакихъ выводовъ [16]). Этотъ мистицизмъ былъ родственъ и душѣ нашего философа. Онъ понималъ, какъ это понимаетъ и всякій истинный мудрецъ, что міръ есть тайна, и онъ зналъ, какъ это знаетъ каждое вѣрующее сердце, что Богъ открываетъ Себя каждому ищущему Его человѣку, и что не однимъ волхвамъ востока была послана звѣзда, но что и каждому даются указанія и предостереженія при шествованіи его по пути жизни. Онъ говорилъ, что Господь Богъ иногда посылаетъ людямъ предвѣщанія и въ его запискахъ говорится объ архимандр.

---

[16]) Вопросъ объ „умномъ дѣланіи“ (видъ опытной мистики) былъ предметомъ многихъ споровъ, и въ XIV в., благодаря главнымъ образомъ дѣятельности Ѳессалоникійскаго архіепископа Григорія Паламы, ученіе объ „умномъ дѣланіи“ было признано православнымъ.

Поликарпѣ, бывшемъ ректорѣ Академіи, что онъ имѣлъ знаменательныя сновидѣнія, былъ предувѣдомленъ о смерти своего знакомаго, своей матери и наконецъ, своей собственной. О себѣ Ѳ. А—чъ писалъ, что Господь Богъ по неизреченному своему милосердію посылалъ Ему ободряющія мысли, облегченія послѣ молитвы и отрадныя сновидѣнія. Повидимому, онъ сочувствовалъ стремленіямъ князя Голицына оживить внутреннее христіанство [17]), но несомнѣнно подъ этимъ внутреннимъ христіанствомъ онъ понималъ настроенность, соотвѣтствующую духу православія, а не какую-либо піэтическую сантиментальность. Онъ не сочувствовалъ крайнимъ мистикамъ (не одобрялъ нѣкоторыхъ воззрѣній Стурдзы), онъ первою своею обязанностію поставлялъ исполненіе всѣхъ требованій православно христіанской вѣры и ни въ чемъ изъ написаннаго не допустилъ и ни въ чемъ изъ того, что разсматривалъ, какъ цензоръ, не пропустилъ ничего несогласнаго съ буквою или духомъ православія. Какъ истинный мудрецъ, онъ всегда помнилъ, что мы рождены не для времени, а для вѣчности. Его мысль постоянно направлялась въ страну, откуда нѣтъ возврата, онъ тщательно собиралъ и ученія древнихъ и новѣйшія сказанія о загробной жизни. Вскорѣ послѣ того, какъ умерла его супруга, ему пришлось цензуровать рукопись, содержащую житіе св. Ѳеодоры. Повѣствованіе Ѳеодоры о ея странствованіяхъ по мытарствамъ глубоко приковало вниманіе нашего философа. Мысли о томъ, что за каждую порочную наклонность, за каждое нечистое движеніе сердца въ этой жизни должно будетъ отдать отчетъ въ жизни будущей глубоко запали въ его душу. Крайне строгій къ себѣ онъ постоянно предносилъ ее своему умственному взору и въ своихъ письмахъ къ друзьямъ сурово бичевалъ себя и приписывалъ себѣ такіе недостатки, даже тѣни которыхъ въ немъ никто не могъ усмотрѣть.

Видя цѣль жизни по ту сторону могилы, онъ любилъ преимущественно тѣ философскія книги, которыя направляли мысль и воспитывали сердце для этой цѣли. У каждаго изъ

[17]) См. Воспоминанія гр. М. Вл. Толстого. Русскій Архивъ. 1881. Т. I стр. 288—289. Переписка Ѳ. А. Голубинскаго съ Ю. Н. Бартеневымъ. Рус. Арх. 1880. Т. 3. Особен. стр. 423 и 421.

находящихся въ Московской духовной академіи есть полная возможность познакомиться съ любимымъ чтеніемъ нашего философа: книги, которыя когда-то читалъ онъ, лежатъ въ академической библіотекѣ, ихъ никто не беретъ болѣе, ихъ постепенно покрываетъ пыль и заволакиваетъ плѣсень, ихъ синіе листы, старинная печать, старинный переплетъ не привлекаютъ ничьего взора. Но не смутимся ихъ непривлекательною внѣшностію, посмотримъ и почитаемъ ихъ. Изъ древнихъ философовъ мы находимъ здѣсь Платона, Плотина, Ямвлиха и Прокла—платониковъ и неоплатониковъ, Гермеса трисмегиста и др. Затѣмъ курсы древней философіи, отводящіе много мѣста Египту, законамъ Ману, мудрецамъ Конфуцію и Зароастру. Авторы этихъ курсовъ искали въ восточныхъ религіяхъ то, что было въ неоплатонической философіи, и приписывали Конфуцію и Зароастру мысли, которыя нравились имъ самимъ. Теперь, когда языки востока и религіи древнихъ народовъ изучены несравненно основательнѣе и полнѣе, эти курсы не имѣютъ значенія. Но тѣ философы, которые читались Θ. А-чемъ, читаются и теперь, только въ новыхъ изданіяхъ съ комментаріями и примѣчаніями и въ новомъ освѣщеніи Теперь ими болѣе интересуются, какъ историческимъ явленіемъ, которое имѣло свои причины и свои слѣдствія, Θ. А-чъ интересовался ихъ мыслями и ихъ рѣшеніями тѣхъ вопросовъ, которые глубоко занимали его самого. Платонъ съ своею теоріею объ идеяхъ, какъ началахъ бытія, Плотинъ съ своею теорію экстаза, Ямвлихъ съ трактатомъ „о египетскихъ мистеріяхъ", говорящемъ объ ангелахъ, архангелахъ и общеніи съ ними (трактатъ этотъ, можетъ быть, и не принадлежитъ Ямвлиху), Проклъ съ его ученіемъ о теургіи, магіи, прорицаніяхъ, заклинаніяхъ и промыслѣ, книги Гермеса съ ихъ ученіемъ о сосредоточенномъ погруженіи во всеединую истину при безмолвіи мыслей и желаній (что называется также въ нихъ „разумною жертвою души и сердца"—*ἡ λογικὴ θυσία τῆς ψυχῆς καὶ τῆς καρδίας*), всѣ они съ ученіемъ о блаженномъ инобытіи, какъ цѣли человѣческой жизни, и съ требованіями высокой добродѣтели, какъ средства для достиженія этой цѣли [18]), были родственны духу нашего

[18]) Вотъ напр. изреченія одного изъ неоплатониковъ: „Мудрецъ, чтобы

философа, который смотрѣлъ на землю, какъ на мѣсто своего скитанія и, помышляя о приближающейся смерти, писалъ: „пора домой! не вѣкъ скитаться“.

Но скитаніе на землѣ не должно быть безцѣльнымъ. Любимые авторы изъ новыхъ, которыми окружалъ себя Ѳ. А-чъ, много разсуждали о смыслѣ этого скитанія. Вотъ, предъ нами Дежерандо (1772—1742); его книга „о нравственномъ усовершенствованіи и воспитаніи самого себя“ говоритъ, что жизнь человѣка есть лишь великое воспитаніе, цѣль котораго нравственное совершенство. Вотъ—аббатъ Ботень, сверстникъ Ѳ. А-ча, переживший его. Ѳ. А-чъ самъ писалъ о себѣ, что онъ услаждался Ботенемъ. Высокія нравственныя требованія Ботеня прекрасно гармонировали съ требованіями духа Ѳ. А-ча. Ботень, какъ и Сен-Мартень, котораго тоже высоко ставилъ Ѳ. А-чъ, придавалъ мистическое значеніе человѣческому слову. Слово для него есть самое чистое проявленіе божественнаго въ человѣческомъ, абсолютнаго въ относительномъ, Бога въ человѣкѣ. Не придавая такого неумѣрено-преувеличеннаго значенія слову, Ѳ. А-чъ однако, подобно Ботеню, наставлялъ обращаться съ словомъ и самъ обращался съ нимъ крайне осторожно, слово можетъ быть нравственнымъ ядомъ и нравственнымъ лекарствомъ, можетъ направить къ свѣту истины или погрузить въ мракъ лжи. По Ботеню, міръ есть Божественная мысль, ставшая видимой, Ѳ. А-чъ эту мысль съ соотвѣтствующими измѣненіями приспособилъ къ православному ученію о твореніи [19]). Изъ философовъ XVII в. Ѳ. А-ъ оченъ любилъ Пуарэ. Богословъ и мистическій философъ, Пуарэ умѣлъ извлекать нужное и часто истинно христіанское и у Декарта, и у Бэма и у г жи Гюйонъ. Ѳ. А-чъ пользовался имъ для лекцій по умозрительной психологіи и, вѣроятно, при развитіи своего ученія объ откровеніи

стать богоподобнымъ, прежде всего заботится объ очищеніи своего сердца“. „Божество болѣе взираетъ на наше поведеніе и на наши чувства, чѣмъ на обиліе приношеній и жертвъ“. „Нечестивый можетъ приносить гекатомбы и обогащать алтари тысячами приношеній, тѣмъ не менѣе онъ нечестивъ и святотатецъ. „Тотъ, кто чтитъ Бога, полагая, что Богъ нуждается въ его чествованіи, чтитъ Его менѣе всего“.

[19]) Лекціи по умозрительному Богословію со словъ Ѳ. А-ча Голубинскаго. 1868 стр. 186.

имѣлъ въ виду сужденія Пуарэ. Паурэ различалъ три свѣта откровенія: свѣтъ Божественный, который непогрѣшимъ, свѣтъ естественный и внѣшній, который не допускаетъ сомнѣнія, и наконецъ свѣтъ разума (философское изслѣдованіе) колеблющійся и непостоянный. Въ вопросѣ о злѣ Паурэ, современникъ Лейбница, высказывалъ взгляды сходные съ взглядами послѣдняго. Ѳ. А-чъ воспользовался тѣмъ, что было въ нихъ истиннаго, и студенты академіи однажды предъ Рождествомъ писали экспромптъ: Num malum metaphysicum, scilicet limitatio rerum creaturum, re vera pro malo haberi potest? [20])

Духу Ѳ. А-ча не могъ быть неродствененъ Францъ Баадеръ (1765—1841). Этотъ католическій мыслитель, утверждавшій, что истина находится въ греческой церкви, учившій, что истинное богопознаніе возможно лишь при нравственномъ совершенствѣ, стремившійся въ своихъ умозрѣніяхъ ни на шагъ не отступать отъ догматовъ вѣры, долженъ привлекать къ себѣ вниманіе каждаго православнаго философа. Баадеръ однажды подарилъ князю А. Н. Голицыну 20 книгъ; любознательный князь немедленно забылъ объ нихъ существованіи. Спустя много лѣтъ (Баадеръ уже успѣлъ умереть), онъ нашелъ ихъ въ своей библіотекѣ нераспакованными и связанными. Безъ сомнѣнія онъ бы не зналъ, что съ ними дѣлать, еслибы Бартеневъ не посовѣтывалъ ему подарить ихъ Ѳ. А-чу съ тѣмъ однако, что, еслибы въ нихъ оказалось что достойное вниманія, Ѳ. А-чъ написалъ бы объ этомъ или даже перевелъ бы это. Вмѣсто того, чтобы самому отыскивать въ книгахъ истину, Голицынъ великодушно уступилъ это скучное занятіе Ѳ. А-чу. Здѣсь были мистическія сочиненія (напрм., самого Баадера— Ueber die Exstase oder das Verzucktseyn der magnetischen Schlafredner, вмѣстѣ съ поправками, сдѣланными рукою Баадера, въ этой книжкѣ мы находимъ и мѣста отчеркнутыя Ѳ. А-чемъ), записки о священномъ союзѣ, сочиненія Шуберта. Отзывы Ѳ. А-ча объ этихъ книгахъ и авторахъ лучше всего характеризуютъ его взгляды и направленіе. Баадера онъ называетъ мыслителемъ „носящимся выше земли“. Шуберта

---

[20]) Автобіографическія записки архіеписк. Саввы. Богос. Вѣстн. 1897. Ноябрь. стр. 354.

онъ называетъ „любезнымъ“ и восхищается его книгою „ночная сторона естествознанія“. Его крайне интересуютъ магнетическія состоянія Ав. Миллеръ. Вниманіе его остановилъ найденный въ этихъ книгахъ выборъ свидѣтельствъ отцевъ церкви о томъ, что Св. Писаніе необходимо нетолько для духовенства, но и для народа [21]). М. Филаретъ желалъ перевода Библіи на русскій языкъ; князь Голицынъ во дни существованія библейскаго общества горячо, но неудачно взялся за осуществленіе этого дѣла; Ѳ. А-чъ и тогдашніе просвѣщенные русскіе люди понимали, какъ нужна русскому человѣку русская Библія. Одинъ изъ учениковъ Ѳ. А-ча (впослѣдствіи епископъ Дмитровскій, скончавшійся въ 1877 г.) Никодимъ прилагалъ къ русскимъ, не имѣвшимъ откровенія на русскомъ языкѣ, слова изъ книги пророка Амоса о евреяхъ: „вотъ наступаютъ дни, говоритъ Господь Богъ, когда я пошлю на землю голодъ, не голодъ хлѣба, не жажду воды, но жажду слышанія словъ Господнихъ“ (VIII, 11). Однако дѣло перевода не двигалось впередъ. Въ Московской д. академіи въ одно время распространились было литографированныя записки Павскаго, содержавшія переводъ нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта. Ѳ. А-чъ пользовался ими. Св. Синодъ указомъ на имя м. Филарета предписалъ духовныхъ лицъ (изъ профессоровъ академіи) „вразумить о ихъ долгѣ преграждать распространеніе всякихъ неправославныхъ толкованій“ [22]). М. Филаретъ предписалъ ректору академіи архимандриту Евсевію вразумить каждаго порознь секретно (прот. Делицына, прот. Голубинскаго), выражая увѣренность, что болѣе этого ничего не потребуется.

Какъ книги Баадера пришлись по сердцу и духу Ѳ. А-ча, такъ родственны были его душѣ всѣ философы, вѣровавшіе въ откровеніе, въ Бога, въ общеніе съ Богомъ. Ѳ. А-чъ любилъ Якоби, кончившаго свою философскую дѣятельность, когда онъ ее только начиналъ. Онъ любилъ Стефенса-благочестиваго натуралиста философа, Мейера—ученика вольфіанца

---

[21]) Переписка Ѳ. А. Голубинскаго съ Бартеневымъ. Русскій Архивъ. 1880 т. 3., особенно 427 стр.

[22]) Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета. т. 3. стр. 117—118, указъ отъ 1844 г. 15 октября.

Баумгартена. Не увлекаясь мейеровой апологіей предуставленной гармоніи и его взглядомъ на животныхъ, по которому они имѣютъ всѣ тѣ способности, какъ и люди („только между ними гораздо меньше сумасшедшихъ"), Ѳ. А-чъ цѣнилъ его доказательства безсмертія души, интересовался его взглядами на жизнь души послѣ смерти и подъ руководствомъ Ѳ. А-ча студенты перевели на русскій языкъ „ученіе вѣры" Мейера (рукопись находится въ библіотекѣ М. Д. Академіи). Ѳ. А-чъ любилъ переводить съ своими слушателями (на урокахъ нѣмецкаго языка) своихъ любимыхъ авторовъ, такъ онъ перевелъ съ ними „превостскую ясновидящую" Кернера и др.

Былъ у Ѳ. А-ча интересовавшій его и русскій философъ-Сковорода, котораго въ своихъ письмахъ онъ просто называлъ Григоріемъ Савичемъ. Этотъ мыслитель, по словамъ его біографа поэта,

Ревнитель истины, духовной богочтецъ,
И словомъ и умомъ и жизнію мудрецъ.
Любитель простоты и истинной свободы,
Безъ лести другъ прямой, довольный всѣмъ всегда,
Достигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ Сковорода.

Сковорода былъ философомъ, поэтомъ и благочестивымъ христіаниномъ; въ своихъ размышленіяхъ онъ мудрствовалъ горняя, а неземная, его интересовала не чувственная красота міра, а нравственное воспитаніе души по ученію Писанія и на памятникѣ его вырѣзана имъ же составленная надпись: „міръ меня ловилъ, но не поймалъ". Для Ѳ. А-ча былъ дорогъ такой соотечественникъ. Между тѣмъ и другимъ было сходство еще въ пренебреженіи къ благамъ земнымъ. Недавно русская философская періодическая печать почтила столѣтіе со времени смерти Сковороды (1794 г.) статьями о немъ. Думаемъ, что Ѳ. А-чъ заслуживаетъ несравненно большаго вниманія, чѣмъ Сковорода. По правдѣ сказать, Сковорода былъ плохимъ поэтомъ, неглубокимъ философомъ и несовсѣмъ православнымъ христіаниномъ. Можетъ быть и безсознательно, вслѣдствіе недостатка образованія, онъ высказывалъ мысли близкія къ пантеизму. Затѣмъ, Сковорода любилъ рисоваться своимъ пренебреженіемъ къ благамъ земнымъ, что выражалось имъ въ чудачествахъ, грубостяхъ

и нарушеніи приличій. Такое выраженіе пренебреженія всегда заставляетъ нѣсколько сомнѣваться въ его искренности и кромѣ того уже въ своемъ выраженіи получаетъ свою награду. Необыкновенно чуткій нравственно и глубоко деликатный Ѳ. А-чъ никогда не могъ позволить себѣ оскорбить чье-нибудь эстетическое или нравственное чувство. Высоко образованный, онъ понималъ философскія системы, недоступныя Сковородѣ, и излагалъ ихъ такъ просто и ясно, какъ не умѣли излагать ихъ сами авторы. Глубокій и осторожный богословъ, онъ остерегался сказать какое бы то ни было слово, которое могло бы соблазнить „единаго отъ малыхъ". Сковорода очень наивно и смѣло называлъ себя русскимъ Сократомъ и motu proprio отыскивалъ русскихъ Платоновъ. Ѳ. А-чъ требованія, чтобы ему внимали и у него учились, предъявлялъ только къ тѣмъ, къ кому предъявлять ихъ обязываютъ божественное повелѣніе и человѣческая совѣсть—къ своимъ дѣтямъ и ученикамъ; весьма общительный по природѣ, онъ усердно искалъ общенія съ различными людьми прежде всего не для того, чтобы учить ихъ, но чтобы учиться у нихъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, въ убыткѣ всегда оставался онъ: учиться у новопріобрѣтенныхъ знакомцевъ оказывалось нечему, но отъ него—если желали—могли научиться многому.

Однимъ изъ признаковъ умовъ неглубокихъ и недисциплинированныхъ является то, что, при занятіяхъ философіею, встрѣчаясь съ ученіемъ, отвѣчающимъ ихъ еще не проанализированнымъ стремленіямъ духа, они обыкновенно низко и безповоротно опускаютъ предъ нимъ голову и, наоборотъ, если въ ученіи какого-нибудь философа они встрѣчаютъ взгляды противные ихъ вѣрѣ и убѣжденіямъ, они рѣшительно поворачиваютъ къ нему спиною. Богословы часто бываютъ виновны этою второю виною, которою погрѣшилъ нѣкогда Наѳанаилъ, сказавъ: „изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?" (Іоан, I, 46). Мы знаемъ, кругъ какихъ писателей былъ дорогъ сердцу Ѳ. А-ча (къ нимъ можно присоединить еще много другихъ подобнаго же направленія: Эккартсгаузена, Эдуарда Юнга и др.), но онъ никогда не былъ ихъ слѣпымъ поклонникомъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые умѣютъ видѣть недостатки въ друзьяхъ и достоинства въ противникахъ. Онъ цѣнилъ

многое у Мейера—почти Вольфіанца, но въ своемъ „умозрительномъ Богословіи“, мы видимъ, онъ полемизируетъ съ Вольфомъ. Онъ высоко ставилъ Лейбница, но не цѣнилъ въ немъ то, что Лейбницъ наиболѣе цѣнилъ у себя (теорію предуставленной гармоніи). Онъ полемизировалъ со многими положеніями Канта, но взялъ у него (съ ограниченіями) его нравственное и физико-телеологическое доказательства бытія Божія. Едва ли его духу былъ родственъ предшественникъ Канта въ области гносеологіи-Юмъ, однако онъ вмѣняетъ ему въ заслугу, что онъ показалъ необоснованность главныхъ положеній философіи Вольфа и, разрушивъ ихъ, разрушилъ все [23]). Обожествленіе философіи у Гегеля было чуждо душѣ нашего православнаго философа, и однако онъ, сочувствовавшій въ исторіи философіи взглядамъ Теннемана и Тидемана, высоко цѣнилъ Гегеля, какъ истолкователя и историка философскихъ ученій. Его отношенія къ Шеллингу имѣютъ особенный оттѣнокъ. Нѣкоторыя сочиненія этого философа внушили ему мысль, что онъ въ дальнѣйшей дѣятельности пойдетъ по направленію къ положительной религіи. Такъ предполагали и Мейеръ и Стефенсъ, много заимствовавшій у Шеллинга (какъ много заимствовали у него и наши славянофилы и наши публицисты философы-Леонтьевъ и Катковъ). Ѳ. А-ча ждало разочарованіе. Философія откровенія Шеллинга показала, что философъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія отступать отъ пантеизма. Ѳ. А-чъ о книгѣ далъ такой отзывъ: „Философія откровенія не удовлетворитъ ни строгимъ философамъ, требующимъ не провѣщаній оракула, а доказательствъ,—ни любителямъ и ученикамъ премудрости Божественной. За все берется, усиливается философически вывесть и таинство Троицы, и ученіе объ искупленіи, и глубины сатанины, но все по началамъ пантеизма. Давнее его направленіе, чтобы процессы жизни конечнаго міра переносить на жизнь Божества, и нынѣ сбиваетъ его съ правильной точки зрѣнія“. [24]) Книга Шеллинга не удовлетворила Ѳ. А-ча ни какъ философа, ни какъ христіанина. Мы думаемъ, что при всей

---

[23]) Лекціи философіи Ѳ. А. Голубинскаго. 1884 г. стр. 64.

[24]) Русскій Архивъ. 1880 г. т. 3. Переписка Бартенева съ Голубинскимъ, стр. 430.

своей обширной эрудиціи и знаніи современныхъ ему философовъ Ѳ. А-чъ не зналъ одного, который могъ бы написать православно-философскую систему. Такимъ философомъ былъ онъ самъ. Онъ не написалъ ея по двумъ причинамъ: по недостатку времени (въ своей неособенно долгой жизни онъ принужденъ былъ много работать въ областяхъ далекихъ отъ философіи) и 2) по духу смиренія. Какая изъ этихъ причинъ была главною, мы не знаемъ.

III.

Съ 1826 по 1851 г. Ѳ. А-чъ былъ цензоромъ въ Московскомъ духовно-цензурномъ комитетѣ. Задачи цензора тогда понимались очень широко: на обязанности его лежало не пропускать въ разсматриваемыхъ имъ рукописяхъ не только никакой мысли несогласной съ православіемъ, но и никакого невѣрнаго сообщенія, невѣрнаго толкованія или искаженія факта. Цензоръ при чтеніи рукописей не только долженъ былъ дѣлать многочисленныя и обширныя поправки по наукамъ богословскимъ, историческимъ, археологическимъ и др., но и сноситься съ разными учрежденіями и лицами. Въ автобіографическихъ запискахъ преосвященнаго Саввы [25]) мы читаемъ о тѣхъ наставленіяхъ, которыя Ѳ. А-чъ преподалъ студенту Москов. д. академіи священнику І. Тихомирову (впослѣдствіи архіепископу Саввѣ) относительно того, какія мѣры нужно употребить, чтобы прошла въ печать рукопись о жизни пермскаго миссіонера архимандрита Иліи. Издателю этой рукописи сыну миссіонера-священнику вятской губ. Ѳ. А-чъ посовѣтывалъ (чрезъ І. Тихомирова) испросить благословеніе для напечатанія у своего вятскаго преосвященнаго и представить рукопись на усмотрѣніе пермскаго преосвященнаго, въ епархіи и подъ управленіемъ котораго проходилъ служеніе архимандритъ Илія. Письменное одобреніе рукописи послѣднимъ, сказалъ Ѳ. А-чъ, освобождало бы цензуру отъ необходимости сноситься съ пермскою консисторіею за справками о служеніи и дѣятельности описываемаго лица. Это было весною 1848 г. Осенью того же года Ѳ. А-чъ одобрилъ къ напечатанію рукопись „образъ пресвятыя Богородицы,

---

[25]) Богословскій Вѣстникъ. 1897. Ноябрь. стр. 360—362.

Споручницы грѣшныхъ". Онъ далъ о рукописи такой отзывъ: „помѣщенныя въ сей рукописи сужденія о священномъ происхожденіи и достоинствѣ иконописанія и объ изображеніяхъ Пресвятыя Богородицы вообще, какъ историческихъ, такъ и символическихъ, основательны. Извѣстіе объ иконѣ Божіей Матери, Споручницы грѣшныхъ и объясненіе мыслей, содержащихся въ подписи вокругъ сей иконы истинны, не заключаютъ въ себѣ никакого упоминанія о чудесахъ и исцѣленіяхъ". М. Филаретъ, которому была представлена рукопись и отзывъ о ней цензурнаго комитета согласный съ мнѣніемъ Ѳ. А-ча, наложилъ такую резолюцію: „мысли о символическихъ иконахъ неточны. Лице Божіей Матери всегда есть историческое, а не символическое. О иконѣ Божіей Матери, внесенной въ Никольскую церковь, что въ Хамовникахъ, еще продолжается нерѣшенное дѣло, и потому распространять о ней свѣдѣнія неблаговременно, тѣмъ паче, что отъ имени...... сдѣланы нѣкоторыя словесныя и письменныя разглашенія, оказавшіяся ложными. Посему не могу изъявить согласія на напечатаніе представленной при семъ статьи" [26]). Ѳ. А-чъ былъ философомъ и богословомъ, но какъ цензоръ, онъ долженъ былъ превращаться и въ археолога, и въ литургиста и въ историка. Понятно, что эти занятія въ чуждыхъ ему областяхъ отнимали у него много времени и сильно утомляли его. Неудивительно, что у терпѣливаго философа срывалось иногда слово если не жалобы, то сожалѣнія объ этой малоплодной тратѣ времени (самъ м. Филаретъ въ письмахъ къ Ѳ. А-чу иногда признавалъ ее таковою) [27]) и силъ, которыя онъ бы могъ посвятить на иное гораздо болѣе важное дѣло. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бартеневу (27 окт. 1850 г.) онъ говоритъ: „о своихъ занятіяхъ не знаю, что сказать вамъ. Ваши труды свободны и одушевлены, мои большею частію движутся механически" (далѣе слѣдуетъ перечисленіе нѣкоторыхъ этихъ механическихъ трудовъ). Въ другомъ письмѣ (отъ 23 марта 43 г.)

---

[26]) Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета, 1885 т. 3. стр. 268.

[27]) Письма м. московскаго Филарета, хранящіяся въ императ. публич. библіот. 1891. стр. 10.

онъ говоритъ: „чтеніе ваше питательнѣе, чѣмъ мое“ [28]).

Какъ относился Θ. А-чъ къ своимъ обязанностямъ цензора? На это у насъ имѣется много данныхъ. Изъ этого многаго выберемъ немногое. Въ 1841 г. Θ. А-чу пришлось разсматривать рукопись Стурдзы и нѣкоторыя проповѣди архіепископа херсонскаго Иннокентія. О рукописи Стурдзы Θ. А-чъ писалъ къ тогдашнему оберъ-прокурору Св. Синода С. Д. Нечаеву;.....Боюсь не угодить ему: мѣстахъ въ пяти оказалось нужнымъ исключить его сужденія. Такъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ онъ изо всѣхъ силъ вооружается противъ духовныхъ трактатцовъ, переводимыхъ съ англійскаго, находитъ въ нихъ „пестроту, несвязность, плоскость слова и вымысловъ. Я развернулъ, пишетъ онъ, одну книжонку: *о средствахъ къ освященію.* Тутъ совѣтуетъ безъименный проповѣдникъ: молитву, чтеніе слова Божія, хожденіе во храмъ, духовное пѣніе, назидательныя бесѣды, сердечное обращеніе къ Богу; но пропускаетъ многое и важное, именно: исповѣдь и причащеніе.....То, чего въ книжкѣ нѣтъ, обличаетъ въ полной мѣрѣ ненадежность подобныхъ вѣроучителей. Они не вожди намъ, ибо давно лишили себя и насъ хотятъ лишить безцѣннаго участія въ двухъ таинствахъ.... Главный недостатокъ въ трактатцахъ состоитъ въ томъ, что обращеніе кающихся грѣшниковъ изображается въ видѣ внезапной и всецѣлой перемѣны нашего существа, совершающейся безъ малѣйшей постепенности. Не явный ли это поводъ къ самопрельщенію и къ безпечности въ дѣлѣ спасенія? Писатели, находясь подъ гнетомъ кальвинскаго ученія о неутратимости примиренія и спасенія, усиливаются подкрѣпить свой догматъ невѣрными наблюденіями или вымышленными разсказами. Увы! Ежели сіи чудесныя обращенія истинны, то надлежало бы о блечь ихъ доводами. Если же это одни благочестивые вымыслы, то писатели грѣшатъ“ и т. д.... „Какъ могу я, продолжаетъ Θ. А-чъ, содѣйствовать къ обнародованію такихъ неосновательныхъ подозрѣній и придирокъ? Какъ могу пособлять инквизитору въ преграждeніи тѣхъ благодѣтельныхъ каналовъ, которыми многія сотни дѣтей и простосердечныхъ людей возбуждаются

---

[28]) Переписка Θ. А. Голубинскаго съ Бартеневымъ. Русск. Архивъ. 1880. т. 3. стр. 422 и 430.

къ обращенію отъ грѣховъ? Ругаться надъ ними не значитъ ли пойти противъ благодати, безчисленными сѣтями уловляющей сердца, и способствовать къ ложному спокойствію совѣсти? Нѣтъ, хотя бы сочинитель и сталъ жаловаться высшему начальству на цензуру, убѣжденіе совѣсти и страхъ, чтобы не укорить Духа благодати, не позволяютъ мнѣ согласиться съ нимъ въ этой полемикѣ“ [29].....

Это писалъ Ѳ. А-чъ 14 мая, а 14 іюля архіепископу Иннокентію, проповѣди котораго тоже проходили его цензуру, онъ отправилъ обширное письмо, въ которомъ говоря, о высокомъ наслажденіи, доставленномъ ему проповѣдями знаменитаго витіи, представилъ ему свои соображенія по нѣкоторымъ вопросамъ, затронутымъ проповѣдями святителя. Изъ этого письма можно видѣть и глубокія познанія Ѳ. А-ча въ области священнаго писанія, святоотеческихъ твореній и вообще богословія и его изумительно внимательное отношеніе къ тому, что онъ читалъ. Для каждой новой мысли архипастаря онъ тщательно искалъ подтвержденія въ святоотеческихъ писаніяхъ и преданіи и каждое слово строго взвѣшивалъ [30].

Мы не знаемъ, писалъ ли Ѳ. А-чъ между 14 мая и 14 іюля еще кому-нибудь письма по дѣламъ цензуры? Вѣроятно, писалъ и, несомнѣнно, такія же точныя и обстоятельныя. Не для начала только 40-хъ, но и для конца 90-хъ годовъ эти письма являются поучительными. Изъ нихъ мы видимъ, что, какъ цензоръ, Ѳ. А-чъ не имѣлъ зрѣнія на лица. Онъ не боялся вліятельнаго тайнаго совѣтника Стурдзы, не смущался указывать знаменитому архіепископу промахи, обмолвки и ошибки въ его — въ общемъ—блестящихъ проповѣдяхъ. Весьма поучительно суровое отношеніе Ѳ. А-ча къ непрошенной инквизиторской и цензорской дѣятельности, карающей книги за то, чего въ нихъ нѣтъ. Къ несчастію и теперь у насъ не мало такихъ непрошенныхъ инквизиторовъ и цензоровъ, но нѣтъ уже болѣе Ѳ. А-ча, который бы могъ ихъ вразумить и наставить.

---

[29]) Рункевичъ, Изъ церковно-общественный жизни второй четверти нашего столѣтія. 1896. стр. 28—29.

[30]) Н. Барсовъ, къ исторіи проповѣдей и сочиненій Иннокентія, архіеп. херсонскаго. Христіан. Чтен. 1886. ч. 2. стр. 752—753.

Исторія русской свѣтской цензуры показываетъ намъ, что въ прошедшемъ со стороны цензоровъ часто допускались придирки и замѣчанія совершенно несостоятельныя. Пушкину, Гоголю, Жуковскому вмѣнялись въ преступленія самыя невинныя и благонамѣренныя выраженія. Не такова, мы видимъ, была московская духовная цензура. Подъ высшимъ водительствомъ митрополита Филарета и при такихъ дѣятеляхъ, какъ Ѳ. А—чъ Голубинскій, она выпускала книги исправленными, очищенными и дополненными. Ту книгу или брошюру, на которой было написано: цензоръ протоіерей Голубинскій, смѣло можно было давать и старому и малому съ полной увѣренностію, что онъ почерпнетъ изъ нея лишь доброе и полезное. Ѳ. А—чъ смотрѣлъ на книги, какъ на средство воспитанія, на общество, которому предлагались книги, какъ на подлежащее воспитанію, и онъ употреблялъ всѣ мѣры и силы, чтобы обществу предлагалась духовная пища въ возможно лучшемъ и плодотворномъ видѣ.

Онъ былъ цензоромъ четверть столѣтія. Много за это время онъ долженъ былъ прочитать рукописей негодныхъ, много исправить рукописей плохихъ, много потрудиться, какъ мы видѣли, и надъ рукописями хорошими. Много времени долженъ былъ отдать онъ перепискѣ съ разными лицами по поводу рукописей. Къ счастію, эти поучительныя письма, въ которыхъ, не поступаясь долгомъ, Ѳ. А—чъ умѣлъ быть глубоко почтительнымъ къ высшимъ, любящимъ къ низшимъ и деликатнымъ ко всѣмъ, къ счастію эти письма теперь постепенно опубликовываются. Но если бы онъ не былъ цензоромъ, сколько неизмѣримо лучшаго, чѣмъ то, что онъ пропустилъ въ печать, могъ бы написать онъ самъ? Его призывали къ сотрудничеству въ журналѣ министерства народнаго просвященія [31]), онъ не могъ дать обѣщаннаго имъ опроверженія взглядовъ Литрэ на конечныя причины (выраженныхъ Литрэ въ статьѣ „о важности и успѣхахъ физіологіи“, Revue des deux mondes) и успѣлъ дать только „первое письмо о конечныхъ причинахъ“ (прибав. къ твор. свят. отцовъ въ русск. перев. годъ 5, книга 2-я,

[31]) Письма Филарета, м. московскаго, къ Филарету Гумилевскому. Прибав. къ творен. свят. отцевъ. Ч. XXXII. 1883 г., стр. 678—679.

1847 г.)[32]). Жалѣть ли намъ о томъ, что должность цензора отвлекла его отъ печатанія самостоятельныхъ трудовъ, или радоваться тому, что, благодаря его безмѣрно добросовѣстному и глубокоразумному отношенію къ дѣлу цензора, наши отцы и дѣды читали книги въ добромъ и исправленномъ видѣ? Не знаемъ, что отвѣчать на этотъ вопросъ, но мы знаемъ, что, какъ цензоръ, протоіерей Ѳ. А. Голубинскій сдѣлалъ много добраго и полезнаго.

IV.

Голубинскаго всѣ любили—дѣти и взрослые, студенты и ректора, и малые и сильные міра, но его не только любили, его уважали, и степень этого уваженія у нѣкоторыхъ была такъ велика, что они находили болѣе удобнымъ называть его благоговѣніемъ. Двадцати двухъ—двадцати трехлѣтній экстраординарный профессоръ Ѳ. А. Г-ій—не блещущій красотою, близорукій (по описанію гр. М. В. Толстого [33]), безъ сомнѣнія, далеко не въ модномъ костюмѣ производитъ такое впечатлѣніе на аристократа вольтеріанца гр. Вл. Толстого, что тотъ—страшный любитель кощунства и насмѣ-

---

[32]) У Галахова въ его воспоминаніяхъ (Историческій Вѣстникъ. 1886 г. Ч. 26. Мое сотрудничество въ журналахъ стр. 321—323) приводится выписка изъ критической статьи „Отечественныхъ Записокъ“, направленной противъ писемъ о конечныхъ причинахъ. Галаховъ передаетъ какъ слышанное имъ, что Ѳ. А—чъ Голубинскій, былъ очень огорченъ этою статьею, и что само духовное начальство утѣшало его, говоря: „огорчаться тутъ нечего; развѣ ты не видишь, что въ статьѣ больше остроумія, чѣмъ дѣла“. Мы думаемъ, что если и было что-нибудь подобное, то не то, что представлялъ себѣ Галаховъ. Статья „Отечест. Запис.“ очень напоминаетъ разсужденіе Вольтера о конечныхъ причинахъ, въ которомъ онъ говоритъ, что руки созданы не для того, чтобы носить перчатки, и носъ не для того, чтобы поддерживать очки. Но только Вольтеръ, будучи умнѣе русскаго автора, не дѣлалъ изъ своего разсужденія сокрушительныхъ выводовъ: конечныхъ причинъ онъ не отрицалъ. Ѳ. А—чъ, разумѣется, прекрасно зналъ все, что говорилось за и противъ телеологіи, и отлично понималъ цѣну статьи „Отечест. Запис.“ Но мы вѣримъ, что онъ былъ ею огорченъ: не самолюбіе его было оскорблено, но его любящее сердце должно было смутиться, видя, какою пустою, легкомысленною и вредною духовною пищею начинаютъ питать русское общество. Его скорбь была законна.

[33]) Воспоминанія гр. М. Вл. Толстого. Русскій Архивъ. 1881. Т. I. стр. 264.

шекъ надъ святынею—въ присутствіи его смолкаетъ, не позволяетъ себѣ ни одного оскорбительнаго слова по отношенію къ религіи и кончаетъ тѣмъ, что предаетъ аутодафэ всѣ свои вольтеріанскія книги. Сынъ вольтеріанца графъ Мих. Толстой, ученикъ Ѳ. А-ча, подъ вліяніемъ своего учителя, изъ доктора медицины превращается въ богослова, до конца своей жизни работаетъ въ области исторіи русской церкви и, пройдя длинный жизненный путь (графъ умеръ на 84-мъ году отъ роду), заявляетъ что онъ не встрѣчалъ никого умнѣе и лучше Ѳ. А-ча Голубинскаго. Полумасонъ Бартеневъ, образованный другъ князя Голицына, въ своихъ письмахъ къ Ѳ. А-чу выражаетъ почтительный восторгъ передъ скромнымъ философомъ. Онъ, чиновникъ IV класса, пишетъ къ нему письма не какъ равный къ равному, а какъ почтительный и робкій ученикъ къ горячо любимому глубокопочитаемому наставнику. Баронъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи въ 1843 г. съ цѣлію ея изученія, былъ очарованъ и восхищенъ Ѳ. А—чемъ, котораго онъ посѣтилъ. Все въ немъ плѣнило Гакстгаузена: изумительная ученость и ясность знаній, глубокая набожность и его „внѣшній видъ“ прекрасный и интеллигентный, и какая то особенность въ манерахъ исполненныхъ необыкновенно простой и почти дѣтской граціи, сообщавшихъ ему какую то невыразимую прелесть“ [34]). Въ 1848 г. Баронъ Гакстгаузенъ съ любезнымъ препроводительнымъ письмомъ послалъ изъ Вестфаліи Ѳ. А—чу свою книгу о Россіи (Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie), въ которой эпиграфомъ, характеризующимъ положеніе Европы, поставилъ слова Ѳ. А—ча, не совсѣмъ удачно передавъ ихъ по французски. Бывшій оберъ-прокуроръ и министръ народнаго просвѣщенія, могущественный князь А. Н. Голицынъ „съ утѣшеніемъ“ видѣлъ въ Ѳ. А—чѣ „стремленіе сочетавать любовь къ знаніямъ, въ мірѣ духовномъ, съ любовью къ ближнимъ въ мірѣ скорбей, а науку ума съ наукою сердца, проникнутаго ученіемъ Христа Спасителя, на завѣтѣ любви утвержденномъ“ [35]). Онъ подарилъ Ѳ. А—чу свой портретъ,

[34]) p. 63 (изъ указанной въ текстѣ книги Гакстгаузена).

[35]) Письмо кн. А. Н. Голицына къ Ѳ. А. Голубинскому. Русскій Архивъ. 1880 г. Т. 3. стр. 414.

посылалъ ему книги; за эти знаки вниманія Ѳ. А—чъ платилъ ему сторицею, указывая, что нужно читать въ книгахъ, и переводя съ различныхъ языковъ для князя полезное и интересное.

Просвѣтитель сибирскихъ инородцевъ архим. Макарій Глухаревъ въ тяжестяхъ и невзгодахъ жизни ищетъ успокоенія въ своей любви къ Ѳ. А—чу. Въ статьяхъ объ архим. Макаріи [36]) мы находимъ такую сцену. Въ то время онъ былъ ректоромъ костромской семинаріи. У него были непріятности и невзгоды, которыя безъ сомнѣнія должны были волновать его сердце. Однажды онъ ѣздилъ по дѣламъ къ преосвященному. Буря на Волгѣ замедлила его обратную переправу, онъ тогда отправился къ родителямъ Ѳ. А—ча, провелъ у нихъ цѣлый день и здѣсь написалъ исполненное любви письмо къ Ѳ. А—чу. Представимъ себѣ эту картину. Буря бушуетъ на Волгѣ, буря бушуетъ и въ сердцѣ молодого талантливаго монаха. Но его сердце полно любовью къ людямъ, оно такъ широко, что вмѣщаетъ въ себѣ любовь и къ бѣднымъ обиженнымъ природою и судьбою жителямъ нашего азіатскаго сѣвера. Эта его любовь ищетъ отклика, сочувствія и поддержки. И какъ стрѣлка магнита обращается къ магнитному полюсу, такъ его любящее сердце обращается къ сердцу, которое горѣло горячею любовью ко всѣмъ, наиболѣе же къ труждающимся и обремененнымъ — къ сердцу Ѳ. А—ча. И онъ пишетъ къ Ѳ. А—чу и проситъ его молитвъ, выражаясь его языкомъ „съ истиннымъ почтеніемъ въ умѣ, съ искреннею любовью въ сердцѣ“.

П. И. Горскій-Платоновъ говорилъ тому, кто пишетъ эти строки, что онъ питалъ къ Ѳ. А—чу чувство близкое къ благоговѣнію. Его церковное служеніе благолѣпное, серьезное, смиренно-величавое глубоко дѣйствовало на умъ и на сердце. Его видъ внушалъ любовь и почтеніе. Моисей отличался смиреніемъ, но Господь Богъ осіялъ его лицо такъ, что евреи не могли на него смотрѣть. Смиреніемъ отличался и Ѳ. А—чъ, и однако ему была присуща такая величавость, которая заставляла смиряться предъ нимъ и

---

[36]) Макарій, основатель Алтайской миссіи. Душепол. Чтен. 1890 г. Ч. 3. Особ. стр. 394—396.

гордыхъ и сильныхъ. О томъ, какъ велъ себя этотъ ученый, къ которому съ почтительными письмами обращались властные міра, П. И—чъ разсказываетъ слѣдующее. Былъ у церкви Рождества въ Сергіевомъ Посадѣ дьячекъ Алексѣй Алексѣевичъ, у него былъ сынъ, учившійся въ виѳанской семинаріи. Учился онъ съ сомнительнымъ успѣхомъ и ему угрожала перспектива остаться на повторительный курсъ въ томъ же отдѣленіи. Дьячекъ попросилъ Ѳ. А—ча похлопотать о переводѣ его сына, Ѳ. А — чъ похлопоталъ, и питомецъ христіанской мудрости былъ переведенъ изъ средняго отдѣленія въ высшее. Извѣщенный объ этомъ, Ѳ. А—чъ не сталъ дожидаться, когда дьячекъ придетъ къ нему за справками, не послалъ и съ какимъ-либо служителемъ извѣщенія объ исходѣ дѣла, онъ отправился къ дьячку самъ. Когда онъ пришелъ къ дьячку на дворъ, то по этому двору бѣгалъ тогда еще маленькій— будущій профессоръ академіи — П. И. Горскій. „Какъ бы мнѣ повидать Алексѣя Алексѣевича, сказалъ П. И—чу Ѳ. А—чъ, пришлите его ко мнѣ“. Пав. Ив. отправился разыскивать Алексѣя Алекс., а Ѳ. А—чъ остался дожидаться на дворѣ. На дворѣ находилась телѣга, колеса съ которой были сняты и которая прямо осями лежала на землѣ. Скромный и тогда уже не молодой философъ, можетъ быть утомленный неблизкимъ путешествіемъ съ казеннаго двора, присѣлъ на телѣгу и сталъ ожидать Алекс. Алекс. чтобы сообщить ему о переводѣ сына.

Замѣчательны взаимоотношенія митрополита Филарета и Ѳ. А—ча Голубинскаго. Строго дисциплинированный, могучій умъ московскаго святителя такъ руководилъ движеніями его сердца, что близорукіе люди, полагающіе, что любовь должна выражаться въ распущенной снисходительности къ поступкамъ, готовы называть его безсердечнымъ. Повидимому, при строгости митрополита Филарета—прежде всего къ самому себѣ, а потомъ и къ другимъ—можно бы было ожидать, что медлительность Ѳ. А—ча въ исполненіи обязанностей, обычное нарушеніе имъ сроковъ при исполненіи срочныхъ работъ, должны бы были вызывать негодованіе святителя. Но вотъ, что было на самомъ дѣлѣ. Въ 1832 г. протоіерей Голубинскій производилъ ревизію

калужской и тульской семинаріи. Отчетъ о ревизіи онъ представилъ въ 1836 г. при такомъ отношеніи:

„выпискою изъ журнала академическаго правленія объявлено мнѣ было, чтобы я представилъ отчетъ о ревизіи калужской и тульской семинарій съ объясненіемъ причинъ моей медлительности. Представляя благопочтеннѣйше отчетъ, я долженъ признаться, что не могу ничего сказать въ извиненіе своей медленности“.

М Филаретъ по полученіи отчета и объясненій написалъ ректору Академіи архимандр. Филарету:

„возвращаю вамъ, Отецъ Ректоръ, отчетъ о ревизіи. Для поспѣшности я предложилъ бы дѣло прямо коммиссіи духовныхъ училищъ, но не хочу быть орудіемъ, чтобы выставить признающагося въ медленности, потому что признающагося хочется покрыть. Между тѣмъ непонятно, за чѣмъ такъ долго дремалъ протоіерей, на искушеніе себѣ и другимъ. Объясняйтесь о медленности, или нѣтъ, какъ хотите, только скорѣе пошлите отчетъ“ [37]).

Это „*признающагося хочется покрыть*“ знаменательно въ письмѣ м. Филарета. М. Филаретъ хорошо зналъ высокій умъ, глубокую честность и великое трудолюбіе Ѳ. А—ча, но множество дѣлъ давили послѣдняго, какъ египетскія пирамиды. Его торопили по дѣламъ цензуры, къ нему обращались съ просьбами, ходатайствами, письмами, являлись разные посѣтители, у него было много занятій въ академіи, всякое дѣло онъ дѣлалъ добросовѣстно. По своей глубоко честной натурѣ онъ не догадывался, что не въ комедіи только, но и въ дѣйствительности можно руководиться правиломъ „подписано и съ плечъ долой“, что, напр., если возникаютъ какія-нибудь опасенія относительно того—пропустить ли рукопись въ печать или нѣтъ, то вмѣсто того, чтобы тщательно указывать автору, что нужно исправить и вести съ нимъ утомительную переписку, достаточно не пропустить рукописи и перейдти къ другимъ дѣламъ. Онъ не догадывался, что иногда можно одобрить рукопись, не читая, онъ не догадывался и о многомъ иномъ, что отлично знали его современники и чего, къ несчастію, не перестали знать ихъ потомки. Вотъ, къ этой то наив-

---

[37]) С. Смирнова, Исторія Москов. Д. Академіи. 1879. стр. 91—92.

ной недогадливости и снисходилъ строгій начальникъ Академіи м. Филаретъ говорившій: „пока Голубинскій преподаетъ философію въ Академіи,—я не опасаюсь". М. Филаретъ, зная Голубинскаго, зналъ, что о. протоіерей, давъ обѣщаніе въ ближайшемъ времени представить отчетъ о ревизіи, могъ отправиться домой съ твердою рѣшимостью немедленно сѣсть за писаніе отчета, но дома его могли встрѣтить какія-либо лица, ну хотя бы дѣвицы Савичевы. Бѣдныя, безпріютныя, осиротѣвшія дѣвушки, лишившіяся отца, не имѣющія средствъ, просятъ протоіерея о помощи. Забывъ о всѣхъ ревизіяхъ, коммиссіяхъ и вообще бумажныхъ дѣлахъ, протоіерей спѣшитъ дѣломъ помощи: даетъ, что можетъ дать, самъ, проситъ другихъ, пишетъ ходатайственныя письма. Дѣвицы устроиваются съ гораздо большими удобствами и комфортомъ, чѣмъ самъ Ѳ. А—чъ, а отчетъ о ревизіи тульской семинаріи лежитъ, и протоіерей не можетъ привести никакого оправданія своей медлительности.

М. Филаретъ цѣнилъ Голубинскаго, онъ рекомендовалъ Академіи обращаться къ его мнѣнію [38]), къ нему направлялъ инославныхъ и иновѣрныхъ иностранцевъ, интересовавшихся православіемъ—наприм., Пальмера [39]). Голубинскій высоко цѣнилъ мудрость митрополита, онъ записывалъ его слова, вопросы и рѣшенія недоумѣній на экзаменахъ, онъ цѣнилъ каждое слово его, какъ святыню. Думаемъ, что духъ знаменитаго митрополита былъ родственепъ духу скромнаго профессора. Мы говорили, какою была настроенность Ѳ. А—ча, во что онъ вѣрилъ, какія книги онъ любилъ, и мы имѣемъ основанія утверждать, что въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ книгъ, въ чтеніи которыхъ находилъ услажденіе Ѳ. А—чъ, находилъ услажденіе и м. Филаретъ (наприм., въ книгѣ Эккартсгаузена „о положительномъ началѣ жизни и отрицательномъ началѣ смерти").

Въ теченіе сорока лѣтъ Ѳ. А—чъ жилъ постоянно въ

---

[38]) С. Смирнова, Исторія Москов. Дух. Академіи. 1879. стр. 338.

[39]) Письма м. Филарета къ намѣстнику Лавры архим. Антонію. 1877. Т. 1 стр., 407.

обществѣ студентовъ: 4 года самъ въ качествѣ студента и 36 лѣтъ, какъ профессоръ. Какъ товарищъ, онъ былъ услужливъ и добръ. Каковъ онъ былъ, какъ профессоръ? Какъ онъ относился къ своимъ слушателямъ? Слѣдуя завѣту Христа, онъ былъ имъ слугою, слугою ревностнымъ, любящимъ и самоотверженнымъ, но зная, что, какъ наставникъ, онъ обязанъ отдать отчетъ о душахъ ихъ, онъ былъ далекъ отъ того, чтобы равнодушно и безразлично относиться къ такимъ ихъ дѣйствіямъ и поступкамъ, въ которыхъ сказывается уклоненіе отъ требованій долга и закона и которые—сами въ себѣ еще не заключая чего-либо особо преступнаго — при повтореніи превращаются въ трудноисправимые наклонности и навыки. Ѳ. А. былъ для студентовъ постояннымъ и живымъ нравственнымъ назиданіемъ, и едвали изъ 889 студентовъ, кончившихъ академію и бывшихъ его учениками, хотя одинъ ускользнулъ отъ его благотворнаго нравственнаго воздѣйствія. Онъ наставлялъ ихъ своимъ примѣромъ. Какъ учитель, онъ отдавалъ имъ свои знанія и свое время и кромѣ того готовъ былъ помогать матеріально (давать деньги въ займы, разумѣется, безъ отдачи) просить за нихъ, ходатайствовать, хотя бы и самъ подвергался опасности получить упрекъ за свое ходатайство.

Скажемъ прежде всего о немъ, какъ о преподавателѣ. Отличительною особенностію его изложенія была ясность—качество далеко не всегда присущее лекціямъ по философіи особенно въ первую половину XIX столѣтія, когда на очереди дня стояли туманныя пантеистическія системы, и величайшій изъ тогдашнихъ представителей философіи (Гегель), умирая, высказалъ, что его никто не понималъ и что онъ самъ понималъ себя плохо. О Голубинскомъ всѣ свидѣтельствуютъ, что онъ мудреныя философскія системы излагалъ необыкновенно понятно и просто. Безъ сомнѣнія, чтобы добиться этой ясности изложенія, недостаточно самого громаднаго философскаго и педагогическаго таланта, нуженъ еще громадный и усидчивый трудъ. Рѣшенія философскихъ вопросовъ Ѳ. А—чъ иногда излагалъ такимъ образомъ: онъ приносилъ съ собою въ аудиторію нѣсколько книгъ, въ которыхъ рѣшался предложенный имъ вопросъ и затѣмъ, поставивъ вопросъ, гово-

рилъ: такой-то философъ рѣшаетъ его такъ-то и прочитывалъ рѣшеніе, затѣмъ отъ себя добавлялъ: но это рѣшеніе недостаточно, оно восполняется такимъ-то философомъ и обращался къ другимъ авторамъ. Такимъ образомъ, онъ не только рѣшалъ вопросъ, но и показывалъ исторію его рѣшенія. Иногда онъ читалъ по тетрадкѣ, иногда импровизировалъ. Въ своихъ импровизаціяхъ онъ излагалъ обыкновенно задушевные взгляды на важнѣйшіе вопросы бытія и знанія. Въ такихъ случаяхъ аудиторія слушала его, не дыша. Къ концу службы Ѳ. А—ча, говорятъ, его импровизаціи становились все рѣже, онъ больше уже читалъ курсъ по опредѣленному учебному плану. Часть этого курса послѣ смерти Ѳ. А—ча напечатана записывавшими за нимъ его слушателями, но нужно помнить, что въ этомъ напечатанномъ курсѣ только мысли Ѳ. А—ча: слогъ въ немъ принадлежитъ не автору, а записывавшимъ студентамъ. Съ изящнымъ слогомъ Ѳ. А—ча, мы знакомимся по его письмамъ.

Полстолѣтія отдѣляетъ насъ отъ курса Ѳ. А—ча и однако, несмотря на то, что онъ и сохранился далеко не въ совершенномъ видѣ, онъ не только не уступаетъ современнымъ учебнымъ курсамъ, написаннымъ, конечно, при широкомъ пользованіи трудами Ѳ. А—ча, но имѣетъ предъ ними преимущества. Во 1) въ курсѣ Ѳ. А—ча мы видимъ полное и основательное знаніе положеній тогдашней науки, но философы и богословы послѣдующихъ поколѣній, знакомясь съ выводами науки по трудамъ Ѳ. А—ча, обнаруживаютъ совершенное незнакомство съ наукою своего времени. Укажемъ одинъ примѣръ этого. Говоря въ курсѣ умозрительнаго Богословія о дѣйствіи силъ природы въ прошедшемъ, Ѳ. А—чъ предполагаетъ въ исторіи земли громадные катаклизмы, геологическіе перевороты [40]). Все это, какъ несомнѣнное, утверждалось тогдашней наукою. Здѣсь сказывается господство идей и наблюденій Кювье и Эли де-Бомона. Въ настоящее время всѣ эти теоріи безусловно отвергнуты, на ихъ мѣсто въ геологіи стали воззрѣнія Ляйэля и Дарвина, но наши философы и богословы — въ большомъ числѣ, имѣются исключенія—все еще по старому

---

[40]) Лекціи по Умозрительному Богословію. 1868. стр. 195.

говорятъ о катаклизмахъ. Во 2) мало того. Доселѣ у насъ еще не воспользовались всѣми указаніями и разсужденіями Ѳ. А—ча. Укажемъ примѣръ этого. Въ нашихъ курсахъ Догматическаго Богословія обыкновенно вводится параграфъ о цѣли творенія, въ которомъ утверждается, что Богъ все сотворилъ для своей славы. Въ подтвержденіе этого тезиса приводится текстъ изъ книги Притчей: *вся содѣла Господь себе ради* (Притч. XVI, 4). По всей вѣроятности этотъ параграфъ и этотъ аргументъ цѣликомъ взяты нашими богословами изъ католическихъ учебниковъ, гдѣ дѣло обыкновенно трактуется такъ. Но Ѳ. А—чъ въ своемъ курсѣ раскрылъ—на западѣ въ самые послѣдніе годы можно показать статьи посвященныя раскрытію той-же самой мысли [41]),—что переводъ „себе ради“ неправильно передаетъ мысль подлинника: еврейское לַמַּעֲנֵהוּ правильнѣе должно перевесть не „себе ради“, а „чтобы соотвѣтствовало ему“ или „чтобы все смирилось предъ Нимъ“ [42]). Пишущій эти строки знаетъ только одного человѣка, который воспользовался указаніями Ѳ. А—ча; это—В. Д. Кудрявцевъ, достойный ученикъ славнаго учителя, въ своей лекціи „объ абсолютной цѣли творенія“ онъ повторяетъ взгляды своего учителя, но эта лекція сохранилась у автора настоящей статьи въ такомъ же или еще въ болѣе несовершенномъ видѣ, чѣмъ въ какомъ сохранился курсъ Ѳ. А—ча.

Безъ сомнѣнія, много лѣтъ труда нужно было для составленія такого сжатаго, содержательнаго и основательнаго курса, какъ курсъ Ѳ. А—ча. Дорожа временемъ, Ѳ. А—чъ можетъ быть когда составилъ курсъ и не уклонялся въ бесѣды по дорогимъ ему вопросамъ—бесѣды многополезныя, но отнимавшія время отъ изложенія основныхъ истинъ науки, онъ спѣшилъ преподать важнѣйшіе элементы, зная, какъ трудно будетъ потомъ безъ знанія этихъ элементовъ его ученикамъ, когда они станутъ учителями: и въ пространныхъ и въ малыхъ курсахъ по философіи тогда былъ большой недостатокъ. Восполнить знанія, полученныя въ школѣ, было тогда гораздо труднѣе, чѣмъ теперь. О

41) Наприм., Reinkens'a Einiges über den Endzweck der Weltschöpfung Internat. theolog. Zeitschrift. 1893. № 1.

42) Лекціи по Умозрительному Богословію. 1868. стр. 187—188.

недостаткѣ учебныхъ пособій въ то время можно судить по тому факту, что при тогдашнемъ строгомъ отношеніи къ духу обученія нравственную философію въ семинаріяхъ преподавали по учебнику Баумейстера, въ которомъ находились „сужденія погрѣшительныя и неудобосогласимыя съ ученіемъ христіанскимъ“ [43]). Какъ должны были дорожить тогда ученики курсомъ своего учителя! Между тѣмъ курсъ этотъ замѣчателенъ не только по своему содержанію, но и по направленію. Въ немъ замѣчательно чрезвычайно гуманное отношеніе къ мыслителямъ различныхъ религіозныхъ и философскихъ направленій. Раскрытіе ошибокъ и обличеніе заблужденій у Ѳ. А—ча проникнуто любовью къ заблуждающимся и не показываютъ никакого раздраженія, которымъ часто вѣетъ и отъ апологетическихъ статей нашихъ дней. У покойнаго В. Д. Кудрявцева сохранился въ рукописи [44]) „взглядъ на нравственную философію древнихъ“, излагавшійся Ѳ. А—чемъ. Все доброе исходитъ отъ Бога и много было добраго и въ языческой философіи—такова сущность воззрѣній Ѳ. А—ча. Такой взглядъ и такой способъ сужденія, полагаемъ, долженъ былъ весьма благотворно дѣйствовать на слушателей въ нравственномъ отношеніи.

Будущимъ преподавателямъ Ѳ. А—чъ давалъ примѣръ увлеченія дѣломъ преподаванія: звонокъ не вызывалъ его изъ класса, онъ, если дозволяли условія, оканчивалъ иногда урокъ вмѣсто 4 въ 6 ч. Въ своемъ обращеніи съ студентами Ѳ. А—чъ весь былъ нравственная деликатность. Сохранилось много разсказовъ о его необыкновенной вѣжливости, снисходительности и доброжелательности. Такъ, наприм., разсказываютъ, однажды Ѳ. А—чъ шелъ съ связкою книгъ, связанныхъ должно быть не совсѣмъ исправно, навстрѣчу ему приближается студентъ и движеніемъ руки по направленію къ фуражкѣ обнаруживаетъ желаніе поклониться, Ѳ. А—чъ видитъ, что, если онъ отвѣтитъ на поклонъ студенту, его книги разсыпятся, и онъ кричитъ приближающемуся: „не кланяйтесь, г. студентъ!“ Деликатность

---

[43]) С. Смирнова, Исторія москов. д. академіи. 1879 г. отчетъ Ѳ. А. по ревизіи тульской и рязанской семинарій стр. 79.

[44]) Эта рукопись будетъ напечатана въ Богословскомъ Вѣстникѣ.

его была такъ велика, что онъ и не допускалъ мысли, что если кто передъ нимъ сниметъ шапку, то ему позволительно по нуждѣ отвѣтить на это однимъ наклоненіемъ головы. Разсказываютъ о немъ еще такой случай. По окончаніи урока нѣмецкаго языка со всѣми слушателями онъ имѣлъ обыкновеніе оставлять одного студента, которому заранѣе было задано приготовить письменный переводъ указаннаго мѣста изъ нѣмецкаго автора (студенты тогда не боялись внѣ-класснаго приготовленія къ классамъ); студентъ читалъ переводъ, а Ѳ. А—чъ провѣрялъ и поправлялъ его по оригиналу. Однажды, имѣя дѣло съ такимъ переводчикомъ, Ѳ. А—чъ сѣлъ къ нему за парту и сталъ его руководить. У студента въ партѣ въ бумажкѣ былъ завернутъ нюхательный табакъ, онъ переводилъ, слушалъ указанія Ѳ. А—ча и отъ времени до времени аппетитно понюхивалъ. Обоняніе Ѳ. А—ча раздражилось этимъ запахомъ, и онъ инстинктивно протянулъ руку по тому же направленію, по которому двигалась рука студента, но вмѣсто того, чтобы захватить табаку, онъ его разсыпалъ, и заслуженный профессоръ сталъ усердно извиняться передъ студентомъ за свою неловкость. Никодимъ, епископъ Енисейскій, разсказываетъ о себѣ, какъ онъ, будучи студентомъ (1826—1830 гг.), читалъ Ѳ. А—чу свое сочиненіе „почему интересны въ поэзіи чудеса". Ѳ. А—чъ на иное ему говорилъ: „прекрасно", а на другое „нелѣпо" и затѣмъ сейчасъ же начиналъ извиняться. „Такъ, говоритъ еп. Никодимъ, и этотъ мужъ ума и учености былъ простодушнѣйшій" [45]).

Какъ близко къ своему сердцу принималъ Ѳ. А—чъ судьбу и благополучіе студентовъ показываетъ слѣдующій случай. Въ 1826 г., когда въ Москвѣ происходили коронаціонныя торжества, въ Академіи оконченъ былъ учебный годъ и былъ выпущенъ пятый курсъ воспитанниковъ. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Михаилъ Лаговскій, которому была присуждена степень кандидата. Вслѣдствіе того, что окончаніе курса и проводы товарищей сопровождались дружескимъ угощеніемъ, Лаговскій явился ко всенощной (дѣло

---

45) Чтенія въ обществѣ любит. духов. просвѣщ. 1882 г. Т. 3. Мысли еп. Никодима. Стр. 152—153.

было наканунѣ 29 августа) въ Успенскій Соборъ, въ который за неимѣніемъ собственной церкви собирались тогда студенты, нетрезвымъ и сталъ пѣть безобразно. Инспекторъ іеромон. Евлампій приказалъ ему замолчать, онъ не послушался. По окончаніи службы инспекторъ сдѣлалъ ему выговоръ, Лаговскій отвѣтилъ на выговоръ дерзостію. Инспекторъ заперъ его въ карцеръ и немедленно послалъ донесеніе митрополиту о происшедшемъ. Митрополитъ Филаретъ приказалъ выпустить виновнаго съ званіемъ студента и съ дурнымъ аттестатомъ. Θ. А—чъ нарочно поѣхалъ въ Москву ходатайствовать о смягченіи наказанія виновному—а тогда путешествія эти далеко не были такъ удобны, какъ теперь.—Ходатайство Θ. А—ча осталось безуспѣшнымъ, митрополитъ не смягчилъ своего гнѣва, онъ опасался, что слухъ о происшедшемъ могъ дойти до двора, находившагося тогда въ Москвѣ [46]). Безъ сомнѣнія, и самъ Θ. А—чъ заранѣе предчувствовалъ, что ходатайство его имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ, что и самъ онъ подвергается опасности получить выговоръ за свое ходатайство, и однако движимый любовію къ насчастному—хотя и виновному—студенту рѣшилъ предстать съ ходатайствомъ за него предъ строгимъ и разгнѣваннымъ владыкою.

Было бы однако ошибочнымъ думать, что Θ. А—чъ, ходатайствовавшій за виновныхъ студентовъ, не болѣлъ душою, когда эти студенты совершали непозволительные поступки. Онъ составлялъ для себя характеристики студентовъ, въ которыхъ отмѣчалъ какъ способности ума, такъ и качества ихъ сердца и съ горечью въ собственномъ сердцѣ иногда долженъ былъ отмѣчать темныя движенія въ юношескихъ душахъ. Никогда онъ не позволялъ себѣ ироніи ни надъ кѣмъ вообще, ни надъ студентами въ особенности. Затрогивать самолюбіе людей вообще дурно, но затрогивать юное самолюбіе особенно опасно. Безъ сомнѣнія, Θ. А—чъ иногда смущался грубостію духовныхъ воспитанниковъ, которая такъ не соотвѣтствовала его благородной и нѣжной натурѣ. Въ отчетѣ по ревизіи тульской и рязанской семинарій онъ между прочимъ писалъ: „многіе

---

[46]) Русскій Архивъ. 1881 г. Т. 1. Воспоминанія гр. М. В. Толстого. Стр. 293—294.

изъ учениковъ въ наружныхъ тѣлодвиженіяхъ и обращеніи показываютъ незнаніе правилъ благоприличія и вѣжливости. Хорошо бы было, если бы еще въ училищѣ учители внушали имъ сіи правила; при чемъ они могутъ имѣть пособіемъ сокращенное изложеніе оныхъ, помѣщенное въ грамматикѣ Бантышъ-Каменскаго" [47]). Можетъ быть нѣчто подобное онъ могъ бы сказать и о нѣкоторыхъ воспитанникахъ академіи, но онъ не говорилъ этого, не называлъ именъ. Не обличая, онъ наставлялъ ихъ своимъ примѣромъ онъ училъ ихъ мудрости, смиренію и любви.

Прошло почти полвѣка со времени смерти Ѳ. А—ча. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много лицъ умерло, много именъ позабылось. Но не забыла Московская духовная академія своего профессора Ѳ. А. Голубинскаго. Съ благодарностію и любовью вспоминаетъ она о немъ. Смиренно-величавый мудрецъ, съ кроткими голубыми глазами, съ высокимъ челомъ, услаждавшій и назидавшій своими рѣчами столь многихъ, близокъ мысли и сердцу и теперешнихъ ея наставниковъ и питомцевъ, хотя большее число первыхъ и всѣ вторые родились уже послѣ того, какъ онъ умеръ. Его духовное вліяніе пережило его самого. При жизни, мы видимъ, его вліяніе не ограничивалось тѣсною сферою академіи, оно поднималось гораздо выше ея, у него учились и его указаніями пользовались люди, занимавшіе очень высокое положеніе, и въ лицѣ князя А. Н. Голицына вліяніе Ѳ. А—ча приближалось къ высшимъ правительственнымъ сферамъ. По мѣрѣ того, какъ онъ жилъ, и послѣ того, какъ онъ умеръ, его вліяніе расширялось. Сорокъ святителей вышло изъ учениковъ Ѳ. А—ча, болѣе восьмисотъ его учениковъ стали наставниками духовнаго юношества. Каждый изъ нихъ въ ту среду, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ, долженъ былъ принесть нѣчто отъ того огня, который горѣлъ въ его наставникѣ. Силу духовнаго вліянія нельзя точно измѣрить и способъ ея дѣйствія трудно опредѣлить. Когда физическая теплота передается отъ одного предмета другому, то тотъ предметъ,

---

[47]) С. Смирновъ, Исторія моск. д. академіи. 1879. стр. 77.

который ее передаетъ, самъ ее теряетъ. Духовная теплота не подчиняется этому закону. Она подобна магниту, который возбуждаетъ магнетизмъ въ подобныхъ себѣ тѣлахъ, не теряя собственнаго. Искра добра, которую удается одному заронить въ сердцѣ другого, ничего не отнимаетъ отъ его собственнаго сердца. Отъ огня, который горѣлъ въ сердцѣ Ѳ. А — ча, разгорался огонь въ сердцахъ его юныхъ слушателей, вспыхивали отъ него искры и въ сердцахъ людей зрѣлыхъ и уже приближавшихся къ старости. И этотъ добрый огонь разносился по Руси и несъ съ собою тепло вѣры, знанія и любви. Ученики Ѳ. А—ча несли его съ собою—въ Симферополь и Архангельскъ, въ Вильно и Тобольскъ.

И этотъ огонь не потухнетъ. Онъ долженъ разгораться и разгораться. Вѣра и любовь должны возрастать въ человѣчествѣ. Надеждою на это живетъ академія, въ которую Ѳ. А — чъ вступилъ въ день ея открытія. Но недостаточно питать свѣтлыя надежды, должно самимъ содѣйствовать ихъ осуществленію. Одинъ изъ способовъ, которымъ можно устроивать добро въ будущемъ, состоитъ въ томъ, чтобы подражать дѣятельности тѣхъ, которые созидали его въ прошедшемъ. Объ этомъ учитъ апостолъ, когда говоритъ: „поминайте наставниковъ вашихъ.. и... подражайте вѣрѣ ихъ“ (Евр. XII, 7). Истинный наставникъ не перестаетъ учить, умирая. Не будемъ лѣнивыми учениками, будемъ учиться у Ѳеодора Александровича. Этотъ свѣтлый образъ прошедшаго ярко освѣщаетъ намъ путь къ свѣтлому будущему.

Оттиски изъ № 12 „Богословскаго Вѣстника“ за 1897 годъ.

Печатать дозволяется. Декабря 16 дня 1897 года.
Ректоръ Академіи *Архимандритъ Лаврентій.*